

ДОЛГИЙ ДОЗОР

АЛЕКСАНДР УРАЛОВ

Аннотация

В конце XXIII века ужасы не столь далекого Джихада постепенно отходят в прошлое. Земля по-прежнему искусственно разделена на Демонское полушарие и полушарие Веры-Истины, а таинственные квазиживые карачи по-прежнему иногда похищают грудных младенцев для каких-то своих непонятных целей.

Семнадцатилетний Егор, находясь в дозоре, встречает в южно-уральской пустыне, неподалёку от бывшего Озёрска, небольшую группу московских учёных, чьей целью является посещение челябинского Комбината, когда-то производившего «начинку» для ядерного оружия.

Поход этот становится самым тяжёлым и продолжительным испытанием для Егора и его друзей. Истина открывается для них через боль, страдания, смерти и сражения, проверяя их любовь, дружбу и верность суровым законам пустыни.

Мягкий юмор персонажей позволяет почувствовать в них живых людей, а не просто картонных героев и антигероев. Особо привлекательны женские персонажи.

Пожалуй, в современной российской литературе «Долгий дозор» — единственная антиутопия, не прибегающая к апокалипсическим приёмам. Этим она выгодно отличается от многочисленных произведений последнего времени о постапокалипсисе.

Александр Уралов

Долгий дозор

Южный Урал, август 2235 года.

Внезапно перед глазами всё расплылось. Радужные блики дрожали вокруг неясных двоящихся контуров. Солнце яростно жгло щёки и лоб. Глаза щипало. Егор тряхнул головой, в разные стороны разлетелись капли пота. Несколько мокрых пятнышек темнели на прикладе.

Егор хлопнул носом и осторожно, стараясь не дёргать рукой, промокнул обгоревший лоб рукавом, а потом, неестественно вывернув кисть, поочерёдно прикоснулся манжетой к закрытым глазам. Кожу жгло так, что на секунду ему представилось, как рукав начинает дымиться от кислоты, но, осторожно приоткрыв глаза, он снова увидел всё ясно и чётко.

Дело было дрянь. Чёртовы карачи копошились метрах в ста, не обращая на него никакого внимания. Егор легко мог всадить пулю в одного из них... да только что ему эта пуля? Так... вздрагивает туловищем, замирает на секунду... вглядывается, что ли? Глаз-то у них не видно.

Дед говорил, — да упокоит его

Господь-Аллах на тенистых пажитях! — мол, раньше были у них глаза. Много, но были! Можно было дёрнуть по ним из калаша, ослепить... А сейчас, шайтан их возьми, совсем смотреть не на что. Даже ноги у них стали тоньше, но зато намного прочнее.

Конечно, если бы динамит...

Егор вспомнил, как в Город притащили на железном тросе двух подорвавшихся на фугасе карачи. Дядя Ахмат, тогда ещё совсем юный, за рулём грузовика что-то орал, — уж, наверное, не молитвенные песни, — всегда был пьяный, прости и сохрани, — только зубы весело блестели на чёрном от пыли и гари лице. Мама в толпе кричала вместе со всеми. Они били карачи чем попало, а те только дергались перебитыми лапами и бормотали: «Мы не сделаем вам ничего плохого... Мы не сделаем вам ничего плохого...»

А потом дядя приставил ствол калаша к сочленению малого щупальца, — оно слабо обвилось вокруг сбитой мушки, — и выстрелил... только брызнуло из туловища во все щели. Народ закричал, запрыгал, а прежний мулла-батюшка сказал: «Не жалея патронов, Ахмат! Мало им одной пули, оживёт, проклятый!»

А после оттащили карачи подальше и закопали, и место это прокляли.

Эх... так то ж когда было-то! Егору, поди, едва-едва года три исполнилось... точно, не было ещё трёх! Ему тогда ещё даже ларинги не вживили...

Карачи продолжали копошиться. Из песка они то ли вырывали, то ли творили своим нечестивым дьявольским обычаем какие-то смутно угадываемые в пыли тонкие плетения. Вроде тончайшей сети, перекрученной и шевелящейся... растущей?.. чёрт, в этой кутерьме не разберёшь! Слава Господу-Аллаху, вроде, они не собираются двигаться в сторону Города. Даже бесовская их сеть извивается и дёргается явно в сторону старой мечети. Говорят, там третьего дня двух карачи видели. Гнезда у них там нет, это точно. Егор сам проверял. Даже в самых, что ни на есть дремучих и диких зарослях шипастого вьюна-хватайки.

Может, уйдут? Были же такие случаи, Егор сам слышал!

Егор облизнул палец, помахал им в воздухе, чтобы тот высох, подышал на окуляр бинокля и подушечкой пальца осторожно протер его. Карачи были видны, как в двух шагах. Пыль, проклятая пыль не давала ничего разглядеть.

Эх, второй окуляр разбит... жаль! Отец даже выругался, когда вытащил его из песка — вот невезение! Обидно — у трупа-мумии даже блок

компа уцелел. Офицер, сразу видно! Экран смяло комочком слежавшийся ветхой ткани — не оживишь. Элементы питания вытекли, но на вид-то комп — хоть куда! Хоть бы одна кнопочка выпала... Старые Люди умели делать...

А у бинокля линза разбита! Чёрт бы с ним, с компом, на кой он нужен? Есть два у старосты Володи и ладно. Вот экран бы запасной! Наш и так-то был старый — сколько себя Егор помнит — на сгибах вытерся и цвета искажает, а сейчас и вовсе вместо красного — тускло-оранжевый выдаёт... и буквы расплываются... хоть так оставляй, хоть до максимального увеличивай. Да и речевой ввод вот уже лет пять, как накрылся...

Перед глазами сам собой появился староста, аккуратно подвешивающий уголок экрана, отцепившегося от гвоздя в стене. Экран беззвучно менял картинку каких-то волшебных красивых зданий. Сгибы экрана тусклыми расплывчатыми линиями перечёркивали изображение... как прутья клетки...

Егор дёрнул головой. Надо же, чуть не задремал! Каково, а? На пекле таком, в ста метрах от карачи... а чуть было не заснул! Записать, что лишние пляски? Да ну... что там записывать? Не видно ни черта, кроме клубов пыли и фонтанчиков песка... да и аккумуляторы у камеры жаль. На пять

минут хватает, а потом калаш начинает пищать, мол, подзарядить надо.

Егор осторожно проверил, прикрыт ли объектив камеры калаша колпачком. Ага, на месте. Это хорошо. Родного колпачка уже сто лет в обед как нет, вот и приспособили кусочек полиэтилена на ниточке... хрень овечья, прости меня, Господь-Аллах!

Интересно, а в Челябинске есть микрокамеры на продажу? Такие... вроде заколки на косынку или значка нагрудного? Должны быть, гори они в аду, еретики-гяуры-блять! Староста заранее по три месяца от будущего греха отмаливается, по пять раз на дню намаз делает, лишь бы в Челябинске самое необходимое покупать, не беря греха на душу. В прошлом году в Храме Господа-Аллаха перед алтарём двое суток лежал, прощения молил... еле выходили потом. В апреле уже и ехать собрались, да так и не поехали. Жалко, слов нет! Отец-то хотел Егора вместо себя послать... в охрану. И то сказать, больше года прошло... много чего надо! Аккумуляторы те же... лекарства бы... сеть-доступы поновее... да много чего! И ещё Маринкиной Маме-Гале протез глаза бы достать... недорого говорит Маринка, можно поторговаться и б/у купить... и Маринке игрушку какую-нибудь привезти... вроде «Нечестивые против ниндзя

Господа-Аллаха». Она так чудесно смеётся, когда играет... и коса небрежно заплетена... расплетается... а Маринка только плечом дёргает — некогда, ниндзя наступают!..

... Маринка... красивая такая... глазки светятся...

... «а говорят, что Старые Люди на Марсе бывали!»... «врут они всё, Маринка, демонская это планета»... «а мне Руслан говорил!»... «я вот твоего братца Руслана поймаю и напинаю так, чтобы ходить не мог. Нашёлся, тоже мне, знаток!»...

Тьфу ты, спаси Господь-Аллах, опять глаза слиплись! Может, позвонить старосте, сказать, что всё спокойно? Без малого два дня тут парюсь, может, смену пришлют?

Нет, нельзя. Наверняка карачи звонок перехватят... а кто их знает, какой вывод они из этого сделают? Да и шатун-банды не дремлют.

Егор открыл фляжку и сделал два больших глотка. Как обычно, тело умоляло пить — ещё и ещё... и ещё!.. но он аккуратно завинтил крышку и стал ждать. Через минуту пришло привычное ощущение свежести. Рот наполнился слюной, — он языком провёл по всей полости рта, смачивая зубы. Ну и лето в этом году! Солнце шпарит, как никогда, комбинезон едва справляется.

Домой он ушёл ночью, когда уже совсем ничего не было видно. Карачи всё ещё возились в своей яме — ну, вылитые пауки с когтистыми длинными лапами. Егор видел, что яма стала немного шире, но все подробности по-прежнему скрывало пылью. Наверное, карачи всё-таки что-то откопали, иначе кой чёрт они вообще тут делают?

«Пусть Совет разбирается... там любят про Старых Людей поспорить, — думал Егор, осторожно пробираясь в темноте. — И так-то они думали, и этак... а если не так, то разэтак...»

Лучше бы в Челябинск разрешили съездить! Ромка-джи там был. Так он с той поры надулся, как бурдюк — я, мол, в Челябине среди еретиков-гяуров-блять ходил, непорочно, как Господь-Аллах среди демонов в пустыне! И, мол, Веру-Истину в себе сохранил... в чистоте и святости. Забыл, засранец, как я его зимой тащил на горбу? Если бы не я — лежал бы сейчас Ромка-джи на Городском кладбище... если бы песчаники по всей пустыне сейчас его кости не растащили. Ну, а нынче, конечно — круче Ромки-джи никого нет... просто Демон-Магеллан какой-то!

Егору вдруг стало смешно. Он представил себе Ромку-джи в виде Демона-Магеллана из файла

учебника: рогатая корона на голове... длинные одеяния, расшитые безобразными знаками... и над головой надпись на зазубренной ленте: «На зло и погибель людям открыл я демонские дали!» Эх, если бы вместо Ромки-джи съездил бы в Челябину он, Егор! Так нет же! Шайтан побери, умудрился сломать ногу, можно сказать, на ровном месте! Теперь, вот, даже Маринка Ромку-джи слушает, раскрыв рот... а тот и рад стараться — цедит в час по чайной ложке — цену своим байкам набивает, хитрожопый. И ведь не проверишь — врёт или нет!

А слушать его, конечно, интересно! И тебе роботы, вышагивающие по Челябине, и карачи, которые на каждом углу стоят, и ярмарка, где народу тьма-тьмущая... и все с оружием, все вопят, кричат, торгуются!

Эх, нет уже с нами деда Николая, жаль-то как! Сколько всего знал человек! Сам мулла-батюшка его уважал, староста — так только с ним и советовался. Даже древневеры — уж на что упёртый народ — с дедом почтительно разговаривали!

Да-а...

Небось, вкушает он сейчас на небесах райское блаженство и со своим тёзкой, святым Николаем-угодником, глюкозу пьёт и халву кушает, да на нас, грешных, сверху поглядывает...

Егор привычным жестом поправил на плече лямку автомата. Идти до привала было совсем уже недалеко — часа три, не больше. Вон она, вдали высится башенка... остатки Храма древневерского. Крестonosцы построили — теперь уж и не знает кто и когда. Крест ещё на Егоровой памяти наверху стоял. Узорный такой крест, красивый. Небось, лунатики и сбили, — они крестonosцев спокон веку ненавидят. Дед говорил, раньше это место Касли называлось. И жили тут у подножия Уральских гор по чугуну-железу знатные мастера.

Да что говорить... вон из песка торчат развалины. Пацанами Егор с Ромкой-джи однажды неподалёку от Города такую же узорную решётку выкопали. Точь-в-точь работа, также мастерски сковано! Ковырялись тогда, ковырялись... метра два только и очистили, но остальное круто вглубь уходило, не докопаешься сходу. Хотели отломать кусок — ан нет! Силёнок маловато и работа качественная. А так хотелось домой притащить, чтобы матери не ругались... вот, мол, красоту какую нашли — любуйтесь, чего Старые Люди делать могли!

Ох, и попало же тогда от отца — вспомнить страшно! Вот, ведь, докуда ходили... дозорных тогда, если прикинуть, в четыре раза больше было. Да и камер немало, даже по сравнению с нынешними временами. Что ни говори, до злой

горячки хорошо жилось. Намного свободнее, да! А как выкосило большинство населения, так и кончились наши с Ромкой-джи беспечные походы по окрестностям. В Городе, считай, одни старики, да молодняк, кому до дозоров ещё расти и расти.

Как горячка началась, в Городе ужас что творился! Куда ни сунься — люди стонут. Самые крепкие в три дня сгорали. Егор рядом с мамой Таней неотлучно был. Первый день она, вроде бы, нормально держалась, а когда прибежал какой-то карапуз с известием, что врач Никита не придёт — тоже заболел, то всё, как жутком сне полетело. Так и ушла мама Таня в небесные кущи за неполные двое суток. И всё-то ей чудилось, что отец в дозор собирается, волновалась, не забыл ли чего. Последние часы отец её на руках держал, когда она вдруг мёрзнуть стала. Вынес её наверх, а там самое дневное пекло. Но она только улыбнулась, поняв, что на руках у него. «Плечо твоё не болит больше?» — отца спросила. Отец сказал, что нет, не болит, любимая моя. Она глаза закрыла и затихла.

И понёс её отец в Храм. И Егорка рядом, за комбинезон отца держится. Отец медленно шёл, принаравливаясь к Егоркиным шагам. «Вот так, — говорит, — Егорка! И дед твой, и мама, оба в один год ушли. Как встретил я их вдвоём, так они вдвоём и покинули меня. Первыми к Господу-Аллаху на

небеса ушли». А Егор идёт рядом и сказать ничего не может. Даже зареветь уже не получается.

В Храме отец и Егор об Иисусе-любви говорили, сидели рядышком и на милое лицо смотрели. Не страшно было. Нет, не страшно нисколечко! Не изменилась мама Таня, только лицо побледнело и осунулось. Люди подходили, плакали. Мама-Галя пришла, отцу тихо сказала, что могила готова. Отец глаза на неё поднял и говорит, мол, скажи, что ты её любила. Любила, ведь, правда? «Правда, — отвечает Мама-Галя, сухими глазами блестя. — Подругами мы с ней были. Во многом Таня меня лучше и честнее была, вот и призвал её к себе Вседержитель первой... и место ей рядом с Иисусом-любовь определил. И ты знаешь об этом. Знаешь — почему. Так, только так. И не иначе».

Жуткие времена были, чего уж говорить! Много на кладбище свежих могил появилось. Это тех, конечно, кто не пожелал когда-то в пепел обратиться, сгорев после смерти.

Краем глаза Егор уловил какое-то движение. Поздно! *Поздно* ! Задумался, дурак, не смог уследить!

Егор плюхнулся на слежавшийся песок, судорожно дёргая левой рукой предохранитель калаша. В ушах застучала кровь. Проклятый предохранитель не поддавался! Скосив глаза, Егор

увидел, что дёргает за переключатель системы целенаведения. Шлем с щитком-дисплеем ещё при отце отказал и небольшая плоская коробочка СЦН мёртвым грузом липла к калашу... но энергии она не потребляла, не весила практически ничего, и ни отец, ни Егор так и не удосужились снять её с автомата.

Эх, дурень я, дурень !

Егор судорожно сдвинул-таки рычажок и замер. Неужели вляпался? И как это он умудрился? В первый раз с Егором такое случилось, в первый раз!

Из-за обломка стены, торчащей из песка метра на три, выдвинулся человек в таком же, как у Егора комбинезоне-песчанке. Ствол калаша твёрдо смотрел Егору в лицо. Человек мотнул головой в потёртом армейском шлеме, — экая вмятина на правом виске! — и отчётливо произнёс короткую фразу — явно вопрос — на тарабарском языке.

«Ну, шайтан, недаром мне дядько Саша звонил... говорил, что засёк двух человек с севера. Там больше всего тайных видеокамер уцелело... говорил, что старосте, мол, не волнуйся, я уже всё сообщил...»

Дядько Саша, — мужик лет тридцати, — жил в Городе с позапрошлого года, но староста по-прежнему относился к нему с плохо

скрываемым недоверием — всё-таки мужик был из староверов. В лоно Господа-Аллаха его мулла-батюшка привёл... народу в Городе раз-два и обчёлся, каждые рабочие руки на счету. Дядько Саша от армии ушёл, поскольку светило ему гоу-гоу на северо-восток с тамошними хунхузами за Эко-терем-бург воевать. Вот и дёрнул он прямиком из города Полевского на юг, ближе к пустыне. Оно конечно, как говорит присказка: «Москва и с Китая дань берет!» — за Сургут, за нефть. Да только дикий там народ, хунхузы, одно слово. Им и Пекин-то, считай, не указ, сами промышляют, бандиты...

А в Полевском мэр-бай крут! Ему и на восток и на север двигать хочется, земли прибирать. Ему сами хунхузы-лошадники из диких степей северных, тянущихся аж до леса у самого Ивделя, — дань платят! У него в армии не отъешься — сплошь походы, да вылазки. Вот и сделал дядько Саша вместо северо-востока гоу-гоу на юг, в пустыню. И у нас под крылом Веры-Истины прижился.

Человек нетерпеливо повторил вопрос. Лица его не было видно за блестящим щитком шлема, но, судя по тому, что автомат он держал у бедра, Егор понял, что уж его-то СЦН в полном порядке и мужик чётко видит на экране щитка красную точку

где-нибудь на переносице Егора... туда-то он пулю и всадит, только на курок нажми. *«В пустыне в плен не берут!»* — вспомнились слова отца.

— Не понимаю я, — отчаянно сказал он и оглянулся.

Поднять руку и активировать ларинги на режим переводчика было страшно. Дёрнешь рукой — тут тебе и прилетит гостинец...

Никого вокруг не было. Однако кто его знает, сколько ещё солдат прячется за стеной? И чего им надо? Дезертиры, что ли? Так, вроде, вокруг грабить толком нечего...

— О, по-русски говоришь? — обрадовался человек. — Старовер? Лунатик... то есть, мусульманин? Или христианин-крестоносец?

— У нас Вера-Истина, — мрачно сказал Егор; ствол всё ещё, как припаянный смотрел ему в лицо. — Мы во единого Господа-Аллаха веруем. А вы сами кто?

— Автомат за спину закинь! Руки покажи! Глушилки есть?

— Нет.

— Ну ладно, — весело сказал человек и щиток его шлема с жужжанием открыл мокрое от пота лицо. — Мы тоже пребываем в лоне святой Веры-Истины, да славится Господь-Аллах и все присные его! Мы тут кругалю дали... не то, чтобы заблудились, просто нам нужно здесь где-нибудь

перекантоваться денька три-четыре.

Из-за стены выдвинулся второй человек. Тот, видно, уже снял шлем. Мокрая жидкая шевелюра прилипла к розовому черепу. Человек был белобрыс, краснолиц и мрачен.

— Чего ты с ним возишься, Зия? — недовольно сказал он. — Напугал ребёнка до полусмерти.

— Не испугался он, — возразил Зия, стаскивая шлем и блестя круглой лысиной. — Он сам кого хошь напугает. Вон, смотри, как вызверился... орёл! Того и гляди, того... пальнёт с перепугу. Как там это... в старой армейской песенке поётся?

И весёлый Зия вдруг, ни с того, ни с сего, запел высоким жалобным голосом. Ну, чисто файл с песнями на компе заиграл:

*— И он на гашетку давил и давил,
Уж поверьте!
В аду хохотал, ликовал Азраил —
Ангел Сме-е-ерти!*

...да не будет он назван! Или всё-таки ты испугался? — засмеялся Зия.

— Да не испугался я! — возмутился Егор. — Это вы сами меня испугались... вначале.

Страх действительно прошёл. Было любопытно и немного тревожно. До чего же странные люди нынче по пескам ходят! На шатуна не похож. Тот бы давно уже Егоров труп обшаривал, да разделявал.

— Ну, может, и испугались, — спокойно сказал белобрысый. — Мало ли кто тут шныряет? Места, прямо скажем, дикие. А ты каслинский?

— Чего?

— Отсюда, говорю? Из Каслей?

Чудно он это название выговаривал... с ударением на первый слог! Ну, сразу видно, издалека пришли, даже говорить правильно не могут.

— Нет, я из Города.

— А название у Города есть или так... в беззаконии пребываете?

— Город и всё... что его называть... вон в той стороне, если Иртяш-озеро по левой стороне обойти. Пол дня ходьбы, если всё спокойно.

— А напрямую? — спросил Зия.

— Напрямую через Иртяш можно и в грязи сгинуть, — сказал Егор. — Корка подломится — так и ухнете в трясину.

— Видимо, ваш Город аккурат на месте бывшего Озёрска... московская карта, чёрт, говно! Мэр-бай у вас есть? А-а... староста... Это хорошо, что староста. С бородой, поди, до пояса, а? Ну-ну,

не напрягайся ты так! Я шучу. Шутник я такой, понимаешь? «Юмора шутка — передышки минутка», — как армейские говорят. Слушай, Савва, хватит нам парня пытаться, дунем палатку, — ну его всё на хрен, отдохнём часок-другой?

— А можно и палатку дуть! Почему бы и нет? — спокойно ответил белобрысый здоровяк.

— Вот нам абориген компанию-то и составит, — весело сказал Зия. — Там мы его высушим, выпотрошим... и всё-то он нам с тобой, Савва, расскажет! Что было, что будет, чем сердце упокоится, с какой стороны шайтан-беда нагрянет, а с какой снизойдёт на нас сила небесная и благодать невероятная. Глядишь, и года не пройдёт, как подружимся мы с хмурым отроком не хуже, чем Манас-командир и его Небесная Дева!

Лысый сноровисто сдернул рюкзак, отстегнул с его боковины нелепый с виду свёрток-курдюк защитного цвета, оглянулся, зашёл в тень стены, бросил курдюк на песок и небрежно ткнул носом ботинка. Курдюк зашевелился, захрюкал и стал дуться. Нет, серьёзно! Тужится, вздыхает и, кажется, даже попукивает от усердия!

Егор, забыв всё на свете, молча таращил глаза. Вот уж диво дивное! Белобрысый здоровяк — и чудно же его звали — Савва — строго сказал ему:

— Рот закрой, карачи насерет!

Егор покраснел. Бурдюк тем временем распухло со страшной силой — явно вырисовывалась довольно-таки объёмистая палатка.

— Сейчас прекратится это надувательство, батыр Егорка, и мы все вместе спокойно отдохнём, а то мы тут изрядно намыкались, — крикнул Зия, устанавливавший на верхушке стены крошку-камеру.

— Готово... сторож на месте! — сказал он и ловко спрыгнул. — Мы всех видим, нас не видят... не заметят, не обидят! — подмигнул Егору и непонятно сказал. — Комарики наши регенерацию пройдут, умаялись, сердешные! А нам всем пока и нескольких камер хватит.

Смешной всё-таки мужик!

Ткань окончательно надувшейся палатки вдруг уплотнилась, зарябила разноцветьем, — аж смотреть больно, — и вдруг стала прозрачной. Несколько смутных засаленных пятен слегка колыхались на невидимой ткани.

— Полезай, отрок... кстати, а звать тебя как? Как-нибудь замысловато? Типа Демон Пустыни?

— Егор меня звать, — буркнул отрок и опять открыл рот.

Савва, не дожидаясь приглашения, нырнул в клапан палатки и исчез. Палатка-невидимка... надо

же! Егор о таких только слышал. Эх, мне бы такую, в дозор, а?!

— Полезай-полезай, — сказал Зия и втолкнул Егора внутрь, где Савва уже тыкал пальцем в пятнышки клавиатуры на ткани стены.

— Идентификация, — пискнула стена.

А затем, совсем как в компьютере старосты Володи:

— О`кей.

Проявился экран, распался на несколько изображений. Похоже, что камера на развалинах была не одна. Егор видел совсем близко обрыв Иртяша, заросший кустарником ген-саксаула и ровную плоскость плесневелой корки, с яркими пятнами пушистых ёжиков короткого тростника. Из зелёных порослей торчали нескладные сухие стебли прошлогоднего камыша. В центре огромного ровного пространства кое-где поблескивала вода, выступившая на поверхность.

— Музыку хочу, — простонал Зия, расшнуровывая ботинки, — хочу сладостных напевов!

— Отстань со своим дутаром, — не оборачиваясь пробурчал Савва и вызвал что-то незнакомое, но красивое и чуть тревожное. — Моцартом тебя буду глушить.

— Савва, ты консервативен!..

— Я должен старосте позвонить, — сказал Егор. Интонации, против воли получились какими-то просительными, чуть ли не со слезой. — Можно?

— Валяй, — ответил Савва. — Какой там у вас канал?

— SQWD/4793.

— Я и сам знаю, что эс-ку-вэ-дэ... Подканалы есть? По какому протоколу?

— Н-нет... не знаю.

— Всё с тобой ясно! — воскликнул Зия, снимая второй ботинок. — Савва, друг мой, да продлит твои дни в сладости всемилостивейший Господь-Аллах! Разблокируй ты уже, наконец, весь канал целиком и пусть мальчик успокоит родных и близких!

Савва проворчал что-то непонятное, экран согласно пискнул. Музыка стала тише. У верхнего среза экрана появилась полоска с бегущей строкой. Ниже неярко засветился таймер.

— Звони... лишенец. Как закончишь, блокировка сама обратно активируется.

Егор торопливо переключил ларинги на режим телефона...

Староста, само собой, не обрадовался. Мало того, что Егор вытащил его напрямиком из сортира,

так ещё и выдал такую новость, от которой вечный запор старосты, наверное, обратился в полную свою противоположность. Ну, хунхузы по границам пройдут, ну, шатуны по окраине затаятся — привычные беды! — но два батыра прямиком из дали дальней... это уже чересчур. Егор, зачем-то понизив голос, торопливо рассказал что и как. Говорить было неловко — за спиной возились Савва и Зия, поэтому, против воли, рассказ получился скомканным и каким-то по-детски испуганным.

Нет, конечно, можно было и предположить, что гости из деликатности не суют свои носы в разговоры, но...

Чёрт их знает, какой у них компьютер? Похоже, что, — ах, шайтан! — всё перехватывается, пишется, архивируется, анализируется... да и кто бы на их месте поверил дозорному на слово, а?

Староста Володя, глядя куда-то поверх Егоровой головы, пробормотал невыразительной скороговоркой дежурные приветствия, вот уж непонятно — кому. Гостей-то он не видел! Наверное, думал, что гости отслеживают связь по параллельным мониторам... а может, рассчитывал, что их разговор потом по словечку, по косточке разберут. И какие надо — выводы сделают.

И понять потаённый смысл речи старосты

было несложно — крутись, Егор-батыр, крутись! Небось, не маленький, сам понимаешь и чувствуешь, что к чему. Слушай, примечай, анализируй... и если поймёшь, что дело неладное — убей. Если, конечно, сможешь. Понятно?

А что здесь понимать? Сила солому ломит, вот и всё понимание. Хоть и выглядят эти двое спокойными и разумными, — не какая-нибудь там шатун-банда, — а Егор знал и доверял своей бойцовой интуиции, мол, уж чего-чего, но шатун-тварей он раскусил бы! — но всё равно, не наши они люди, ох, не наши! И деваться некуда, хоть ты как прикидывай, размышляй и анализируй.

Словом, придётся идти с Зией и Саввой в Город.

* * *

— А ты бы рассказал нам чего-нибудь, Егорушка, — вдруг сказал Зия. — Ну, к примеру, что за Город у вас, каковы его обычаи, обряды? Какие песни поют, чем живут, чем дышат? А то мы здесь народ новый, как бы, ненароком, не обидели кого. Сам знаешь, как это бывает, ляпнешь сдуру, а потом получишь по физиономии, да?

— А чего рассказывать, — пробормотал застигнутый врасплох Егор, с трудом оторвавшись от экрана, на котором Лунная Дева как раз

признавалась в любви своему таинственному попутчику Джамилю-в-маске. — Живём, ген-галеты жуём. Господу-аллаху молимся, законы блюдём, шатун-банд опасаемся. Чего тут рассказывать?

— Ну, про себя хотя бы расскажи, Егор. Почему шлем не носишь? С одним армейским платком на голове — это только мать расстраивать. Родители-то живы?

— Нет, — сказал Егор и внезапно представил себе, как рядом с ним сидит отец и чистит калаш... и рассказывает своим мягким голосом, как Егоров дед в Казань ездил. Да смешно так! Маленьким, помнится, вся ребятня вокруг него собиралась, послушать. А какие он луки мастерил! Стрелы ровные, прямые. Игрушка, конечно, но однажды шестилетке Егору чуть глаз такой стрелой не высадили, в охоту на песчаников-людоедов играли. Ох, мама и ругалась! А отец только виновато улыбался, а потом обнял одной рукой маму, а другой подхватил Егорку и закружил-закружил! «Прости, мама Таня, — говорит, — но уж в таком мире мы живём, что рисковать каждый день приходится!»

У Егора вдруг защипало глаза.

— Умерли они, — севшим голосом сказал он. И уже совсем шёпотом, скороговоркой, — Мама Таня от горячки умерла, дед Николай чуть раньше,

чем она, а отец полтора года назад в дозоре сгинул...

— Извини, Егор, — серьёзно сказал Зия. — Извини, дорогой, не знали мы. «Сгинул»... это значит, что ещё есть надежда?

Егор только помотал головой. Говорить он побоялся. Так и разреветься можно...

А отец уже не вернётся, нет! Это уж так водится меж людей — говорить, мол, «в дозоре сгинул». На самом деле шайтан-пустыня дозорных никогда назад не отдаёт, чего уж там лишний раз душу травить и надеяться невесть на что. Ушёл отец в дозор к горам, что во-о-он, на горизонте, желтеют, дрожат в мареве горячего воздуха. Там где-то и сгинул. На связь вышел, велел Егорке не забыть у овец подежурить и... *сгинул*.

Весь Город Егоркиного отца помнит. Те, кто постарше, нет-нет, да и скажут чего-нибудь, вроде: «В отца пошёл, Егорка-то наш, в отца! Такой же батыр, чего уж там греха таить, шайтана тешить. А глаза материны у него, это уж точно. У Татьяны взгляд тоже суровый был, строгий!».

Егор отца долго дожидался. Несколько раз просил старосту в те же места его отправить. Какая разница, где дозорить? Но староста Володя твёрдо ему сказал, мол, не перечь, Егор, ничего не выйдет. С той стороны несколько камер слежения именно

отец твой и поставил, — да пребудет душа его чистая, в сонме праведников! — последнюю как раз и должен был пристроить аккурат на вершине одной из Вишнёвых гор, как их Старые Люди звали. Мол, отцова это идея была, хотя он, староста Володя, лишним это считал. Наверное, и правильно считал. Через горы мало кому тащиться захочется, хоть они не так уж и высоки. Все шатун-банды южнее идут, не говоря уже о тех, кто со стороны Челябины и Эко-терем-бурга прутся. Вода, всё дело в ней. Не захочешь воду с собой на горбу по косогорам и обрывам тащить — обходи горы стороной.

А ведь, всё-таки получается, неправ был староста! Гора Сугомак неподалёку от Вишнёвых гор стоит, а именно оттуда Зия с Саввой пришли, именно оттуда! И она, кстати, самая высокая здесь. Вот отцова камера, кабы установил он её тогда, и засекала бы нынче пришельцев. Как бы выпросить у них, какого растакого шайтана их через горы понесло? Нет, действительно, какого?

А вот насчёт платка-косынки это они верно заметили. Егор не любил шлем. Защита, конечно хорошая, но если ни система целенавещения не работает, ни шлем-ларинги не нужны — на кой ляд его таскать? Поддув по макушке — неплохо, конечно, но Егор и так обходится. Ларинги у него с трёх лет вживлённые — спасибо отцу! — а чужой

шлем надевать, так это надо его с калашом сопрягать — не родной всё же! А с чужим шлемом калаш через Сеть только по общему протоколу связи работает. И дед, и отец говорили, что это много хуже... да и помехи в бою навести могут.

А уж в ближнем бою СЦН многих подвёл. Как только человек чутьё утрачивает, на хитрые приборы полагается, то тут ему и конец. Всё равно, что без компа считать не уметь, или читать не хотеть научиться, под предлогом, что любой файл тебе автоматом озвучивается, если захочешь. Отец в своё время даже несколько языков знал, не полагаясь только на режим перевода. «Ты смекай, Егорка! — говорил он, — Вот, например, говоришь ты человеку простенькое слово «ага!». Так его же можно с десятком разных интонаций произнести! И не всегда режим переводчика их уловит и смысл не переверёт. Вот, к примеру, прихожу я домой и спрашиваю, кто это опять отцовский шлем надевал, в дозорного играл? А ты мне — «ну, не знаю». И может эта фраза означать, что одевала шлем шустрая Маринка-две-косички, да только тебе её сдавать неохота. А может — что ты сам его на своей голове примерял, да ещё о камень башкой бестолковой бился, прочность шлема проверяя. Ну, а сказать об этом почему-то стесняешься. Понял? Вот то-то, Егорка! Учись!»

— А давай-ка, Егор-батыр, мы тут один фильм-файл, на ночь глядя, посмотрим, — вдруг предложил неугомонный Зия, прервав Егоровы думы. — Скоротаем житьишко наше скучное, дозорное. И мы, старики, душу потешим, и ты, молодой и красивый, ума-разума наберёшься! Как ты на это смотришь, батыр?

— Ну... не знаю... — забормотал застигнутый врасплох Егор и вдруг загорелся. Староста — тот более всего на нравоучительное налегает, а чего поинтереснее посмотреть не даёт. Говорят, у него в компе много чего такого запрятано, что только смотри и попискивай от восторга. И по истории Джихада, и про космос, и про Москву! Взрослые, говорят, иногда смотрят, но Егору-то ещё по возрасту не положено! Обидно, конечно... в дозор, значит, как все взрослые ходи, а файлы художественные смотреть нельзя! Тоже мне, нашли малявку-головастика... пичкают детскими фильм-файлами.

— Давай-давай, — прогудел Савва. — Вон, у батыра нашего глаза так и загорелись. Ты ему по истории чего-нибудь поставь. Вон, «Сэйвинг» хотя бы, да? Там всё-таки Оман Васильев деда Серёжу играет, не верблюды чихал, — классика! Ты не видел ли, Егор?

— Нет, не видел, — сказал Егор, активировав украдкой нарукавное зеркало и быстренько глянув

на себя. Неужели по лицу его видно, что у него «глаза загорелись»? Староста Володя, когда распекает его, так вечно в сердцах скажет: «Упрямы ты, Егор, весь в отца! Если ты себе чего в башку вбил — хоть режь тебя, хоть ешь тебя — всё одно — морда каменная! Ничего по ней не прочитаешь, ей-богу, прямо, как статуе в лицо смотришь!» Егор даже гордился этим. А чего бы не гордиться-то? Воин, всё-таки, настоящий воин... хоть и не пускают в Храм, когда взрослые файлы смотрят.

— Ну, ребята, смотрим? — спросил Зия.

— Давай, — прогудел Савва, устраиваясь поудобнее. — Егор, ты готов? Да не дёргайся ты, комп сам на твои ларинги настроится. Жаль, что эффект присутствия не профессиональный будет, но всё же...

— Ну, поехали, — сказал Зия. — Сколько ни смотрю эту историю, всё нравится, хоть и печальная она.

И они стали смотреть фильм-файл «Сэйвинг. Последний рубеж»... и совсем зря говорил Савва, что эффект присутствия, видите ли, не тот! Всё нормально и так захватывающе, что Егор обо всём думать забыл. И только видел, как предки их Россию защищали. Вот бы нам тогда родиться, во времена легендарные!

Нынешние-то времена скучные, да!..

Ох, до чего же *здорово* ! Егор просто оторваться от экрана не мог, и всё переживал за главного героя! И не заметил, как стемнело. Ну, будет что друзьям своим рассказать! И непременно надо Зию с Саввой упросить, чтобы и им тоже этот фильм-файл показали...

Когда укладывались спать, Егор заикнулся было, что подежурить он и сам сможет, но ему велели «дряхнуть без задних ног», поскольку он теперь — гость. И гость не у кого-то там, а у *московских* учёных, де, пришедших сюда с «научно-познавательными целями», как сказал Зия.

Ого! Это тебе не из соседнего города Куяша верблюда купить приехали! Московские учёные! Егор набрался смелости и спросил, чего, мол, московским учёным, которые у самого президента-эмира в славе и почестях живут, на окраину, в самую глушь, принесло?

— Всё просто, Егор! Изучим флору и фауну. Ракушек насобираем, гербарии насушим, ген-тушканчика колечком пометим, песчанику зубы проверим — сам понимаешь, в этом вся наука биология! — подмигнул Зия. — Здешние места — это же рай для учёных! Жизнь-то здесь просто кишмя кишит!

Ага, так Егор и разбежался ему поверить! Кишмя кишат тут только песчаные блохи...

Егор думал, что не заснёт, но палатка так уютно дышала прохладой, да и дутар Зии бренчал тихо и нежно... так и ухнул Егор в сон. Безмятежно и просто — даже удивительно!

* * *

Утром собрались быстро. Палатка ужалась быстрее, чем дулась, Егор даже толком не успел рассмотреть. Камеры наблюдения Зия почему-то оставил на своих местах. Впрочем, что ему эти камеры? Игрушки! Тут, вон, «комары» в разные стороны разлетелись откуда-то из браслета на руке Саввы. А до чего же быстро летают, и не уследишь! Так вот, оказывается, о каких «комариках» упоминали гости! Те, которые отдыхали, то есть, на регенерации были. Отдыхали, понимаешь ли, как и путники ночью. А так же лечились, плодились и размножались, если только Егор всё правильно понял.

Егор только-только набрался наглости спросить, всё ли он правильно рассудил и правильно ли разобрался в деятельности чудесных «комаров», как вдруг — хлоп! — повис прозрачный экран в воздухе, — полукругом перед Савиным лицом, — а на экране мельтешит много-много экранчиков поменьше. Всё, вроде бы, привычно — комп есть комп. Но, ведь, экран-то из ничего в

воздухе появился!

А управление? Савва только рукой двинет, как маленький экран сразу вырастает, занимает весь большой экранище, и теперь на нём чётко видно, чего там «комары» в данный момент наблюдают. Чем больше комаров в одну сторону смотрит, тем более чётким выглядит изображение. И далеко же они забираются, «комары» эти!

Так вот как они Егора-то засекли вчера! Да уж, страшная штука! Зря он вчера себя обругал за невнимательность. Это не он бдительность потерял, а технологии над ним верх взяли.

Савва чего-то там побормотал, а потом движением руки повернул экран к Егору и спросил:
— Где пойдём? Здесь?

Смотреть на экран было непросто. Места знакомые, но Егор же летать не умеет, поэтому ракурс непривычный. Впрочем, он довольно быстро разобрался, что к чему. Савва для его удобства на экране объёмную карту местности показал. Забавно видеть, как по этой карте все подробности ма-а-аленькие... и даже ген-тушканчики прыгают, мелкие, как блохи. Смешно так!

— Вот здесь проще, — сказал Егор, — по косогору, по самому верху.

— А почему не по самой кромке, по корке ила, а не обрывами?

— По Иртяш-озеру дозорные не ходят без

крайней нужды, — рассудительно заметил Егор. — Неудобное место. Поверхность ровная, как стол, до самого Города, а это не меньше семи километров С крутых берегов и с косогоров приозёрных тебя, как на ладони видно, а тебе от кромки и отступить некуда, кроме, как в болото, в самую жижу. В обход все двадцать пять, тридцать будет, но зато не подстрелит никто.

— Логично! — весело согласился Зия. — Но, однако, Егорушка, у дозорных, как я понимаю, «комаров», как правило, нет?

— Нет... — не удержался от вздоха Егор.

— Именно! Нам удобнее по озеру, по корке шлёпать, а «комары» за нас бдить будут. И если супостат какой объявится, они нам всё покажут. И мы вполне успеем подняться повыше и встретить врага стеной огня и стали!

— Ну, понесло его, — проворчал Савва. — Какая у нас с тобой «стена огня и стали»? Два калаша с подствольниками, да пистолетик твой дурацкий — вот и вся «стена огня».

Егор удивился. Надо же, до чего беспечный народ! Вот так, прямо первому встречному и выложили все свои данные о вооружении дозора... э-э-э... в смысле — отряда! Ах, как по-детски... не по дозорному как! Впрочем, ему-то, Егору, что? Его дело помалкивать и на ус мотать, что у них, как и сколько. А то, мало ли что, может, мужики эти

столь лукавые, что у них «ген-кумыс в руке, да нож в сапоге»! Ох, упаси Господь-Аллах, упаси. Это уж так, мысли мрачные ни с того, ни с сего. Ну, по всему же видно — нормальные люди!

— Так берегом никак не короче будет! — вслух сказал он. — Те же километры и наматывай!

— Зато нет этого самого... вверх-вниз, вверх-вниз по холмам... понял? Старика Зию беречь надо, это тебе даже угрюмый и равнодушный к чужим страданиям Савва скажет! — весело ответил Зия, поправляя лямки рюкзака. — Пойдём бережком бывшего озера Иртяш, вдохнём полной грудью запах ила и плесени, полюбуемся на очертания Южно-Уральских гор и споём песню.

— Какую песню? — не понял Егор, шагая рядом с Саввой и заморожено глядя на экран.

— Треплется он, не обращай внимания, — буркнул Савва, умудряясь и в карте какие-то пометки делать, то уменьшая, то увеличивая масштаб, и при этом не споткнуться.

Так-то, конечно, по берегу удобнее идти, ежели постоянно в экран таращиться! Особенно по корке ила, что у самого берега твёрже всего и песком занесена. Чисто асфальт у Древних — твёрдая и ровная. Главное, о кочки торчащей зелёной травянки не спотыкаться.

— Песню от том, — гнул своё Зия, — как

доблестный ниндзя влюбился в кроткую Нино. «Он так любил свою Нино! Но предал казни всё равно!»

Дунул ветерок и в обрыва, вздымавшегося слева, на голову посыпался песок. Егор натянул на лицо маску. Песчаные гребни, как узкие лезвия спускались с пологих мест берега и тянулись вглубь ровной поверхности озера, постепенно сходя на нет вдалеке, намокая и погружаясь в мокрый ил.

Так и шли. Чудной народ, точно — чудной!

Вообще-то, говорить, что «шли» — это уж самого себя обманывать. Ползли! Еле-еле, причём. Песчаный жук и то быстрее ползёт, честное слово! Всё-то пришельцам любопытно, всё знать надо. Около каждой кочки потоптаться, а до чего идти своими ногами лень — «комаров» послать и подробно всё разглядеть и разнюхать. Карачи мимо прошёл — всё! На полчаса остановки. Куда идёт? Зачем и откуда?

Да какая разница? Идёт себе и идёт. Не по направлению к ним и не в Город! Пусть хоть в адское пекло идёт, а то и напрямую к демонам пешком наострился — нам-то что? При каждой остановке Егор переминался с ноги на ногу и вздыхал, но торопить Савву и Зию не решался.

А может, если им что-нибудь об этих местах рассказывать, они быстрее пойдут? Егор подумал-подумал и рассказал, как месяца

три-четыре назад, неподалёку отсюда, Егора чуть не загрызли пустынные собаки. На людей-то они редко нападают, но тут чего-то расхрабрились.

Из песка вышка торчит железная, — отец говорил, что по таким вышкам провода когда-то невесть зачем развешивали, — так Егор на неё и полез. Лезет и горько думает о том, что если уж псы не сожрут, так кто-либо из шатунов издалека приметит... и получится тебе полный карачун — и так, и так, в любом случае смерть примешь.

— Песчаники, да? — заинтересовано спросил Зия. — У них сколько пальцев на лапах было, не заметил?

— Как обычно, пять! — удивился Егор. — А что, надо, чтобы шесть было?

— Видишь ли, Егор, поговаривают, что ближе к старой Москве ген-песчаники появились с тремя пальцами. И они, мол, умнее, чем обычные.

Егор вспомнил, как сидел на верхушке железной неустойчивой конструкции и смотрел, как песчаные собаки медленно ползут вверх, аккуратно цепляясь за ржавые перекладки жёсткими серыми пальцами.

Когда Егор поднимал калаш, песчаники рычали и останавливались. А потом снова ... потихоньку, по сантиметрику — вверх... а на дворе ночь вот-вот настанет и включать фонарик или ночное зрение — значит выдать себя на пару

километров вокруг. Вот он, как стервятник на башне, отовсюду разглядывают! Говорят, что шатун-банды есть, которые с песчаниками, то есть песчаными собаками, в кровавой дружбе состоят. Чушь, конечно, несусветная, но всё-таки...

Так вот походишь-походишь в дозор и будешь всему верить, над чем иные прочие только хихикнут. Мол, бабьи сплетни, старухина болтовня и детские кошмары. Но мулла-батюшка им, ребятне, рассказывал, как Старые Люди ген-собак себе в помощь выводили. Пальцы им вырастили, дрессировали. А как Джихад начался, все эти эксперименты и закончились. Разбежались собаки и выжили только те из них, кто по краям пустыни жить приспособился. Умные, шайтаны, ну, как верблюды, не иначе. Стаями небольшими ходят, могут и овец резать и ребёночком не побрезгуют, а то и раненого или больного путника съедят. Ловкие — по развалинам карабкаются, только шум стоит! А Ромка-джи сказал как-то, что однажды слышал, как песчаники своими пальцами узлы у защитной сетки развязывали, чтобы ягнят воровать. Но дед сказал, что это Ромка-джи загнул лишку. Не настолько уж они и сообразительны, песчаники-то. Но...мало ли чего? А вдруг?

Вот и получается, что когда на вышке сидишь, все умные и скептические разговоры сами собой из головы вылетают — страшно ведь! Но пусть даже

это и не правда. Всё равно, чего песчанники всё-таки сообразили, так это то, что Егор им не раненый верблюд и не овца. Ни спать, ни падать не собирается. Да и калаш им знаком — это уж, наверное, они с детства его знают. Пугали-пугали песчанники Егора, да так и убрались. Слезли и ушли. А Егор до утра на перекладине, чисто орёл пустынный, мостился. Неудобно — жуть! И спать охота, и слезать нельзя. А ну, как из-за бархана выскочат? Да ещё и всей стаей? Кто знает, что у них на уме?

Но Господь-Аллах милостив. Утром и весь следующий день не было их. Не любят они, всё-таки, когда люди рядом. Но, помнится, в детстве Егор слышал, как мать однажды разговор завела, мол, неплохо бы щенка-песчанника раздобыть. Дескать, по Сети она фильм-файл видела, как один человек с песчанником подружился. Выдрессируем, помогать будет. Отец только руками замахал: «С ума сошла, жена-матушка! Ну, подстрелю я самочку и щенка заберу, так за мной вся стая притащится! А овчарни? А верблюжьки загоны? Мало нам дозоров, так ещё и в Городе покоя не будет!»

А вообще, интересно было бы ручного песчанника иметь, как в фильм-файлах про Ивана-батыра, у которого песчанник по кличке Волчара носит железный ошейник, ходит на задних

лапах, и разговаривать, и из калаша стрелять умеет...

Опять же, на компе ещё и не то нарисовать можно.

* * *

— Вот, мрачно сказал Савва, — живём в двадцать третьем веке — полюбуйся.

— Го-о-ород... — с непонятной интонацией протянул Зия. — Впрочем, нам-то, что за беда? Может, в этом и есть великий философский смысл? Может, здесь, на самой крайней российской окраине, на руинах бывшего зарождается новый мир?

— Вон он, твой новый мир Озёрска, — сказал Савва, — со старой башни, балбес-шайтан, в нас целится. Слушай, Зия, ты бы опустил щиток, не выёживался, а? И обзор включи. Двое сзади... за ген-саксаулом прячутся.

Егор подумал, что, уж кто-кто, а Ромка-джи с башни сегодня в голову Зие не попадёт — хоть убейся. Стрелок он неплохой, да нынче калаш у него неважный, со сбитой мушкой. Ещё от дяди Ахмата остался — старьё.

— Это мы! — крикнул он. — Староста Володя где? Выходите, всё равно они вас всех, как на тарелочке видят...

Сзади затрещали кусты. Вышло пара мужиков

— городская оборона. Смех на палочке, прости меня, Господь-Аллах! Один старее другого... не хватало им ещё Лады-оглы для полного позора... тоже мне — дружина боевая...

О, Гагарин-шайтан, о-о-о!!!

Вон она, тут как тут... за стеной кирпичной прячется!!! Ну, позорище...

Московские точно подумают, что в Городе, считай, одни старики, да ребятишки живут! В принципе, так оно и есть, если самим себе не лукавить. Не оправился Город ещё после эпидемии горячки. А дозорные свои места не покидают... если только уж совсем на город нападение не произойдёт!

Ага, вот и староста Володя. И Ромка-джи с башни торопливо спускается. Надеюсь, он калаш на предохранитель поставил всё-таки? Если нет — вечером отпинаю — заслужил. Подстрелит кого ненароком, — нам только такой беды не хватало. А где же мулла-батюшка с прихожанами? Не захотел прийти, значит. Зато весь Совет тут как тут, в полном составе в тенёчке прохлаждается...

Егор шагал впереди и не оглядывался. Щёки его горели. Знакомый — до последней трещинки в стене Установки, до каждого обломка стены, до каждого кустика ген-саксаула и карагача, — а некоторых из них он сам трудолюбиво высаживал пацанёнком, — до вечно пахнувшей верблюжьей

фермы и загородок овечьих площадок, прикрытых сверху дырявой пыльной, засиженной вечными мухами маскировочно-защитной сеткой, — родной Город вдруг как-то разом поник и обветшал. Присел в испуге... и развалился... в пыль, песок и колючие кривые растения...

Суета, запахи, мухи, испуганные люди, прячущиеся в тени и вытягивающие шеи им вслед. Извилистые проходы лабиринта, образуемые ген-саксаулом, руинами и карагачами. Удобно обороняться, если придёт враг... это мы все с детства учили.

Но вот, пришли незнакомые, пусть и не грозные на вид люди... и ясно, что не отгородишься от них, не спрячешься.

И идут за ними гуськом люди... десятки людей... и хоть впереди староста — но кажется, что именно за незнакомцами покорно в страхе идут горожане... и храбрый Ромка-джи с ними.

А вот и Мама-Галя их встречает. Мама-Галя с выбитым левым глазом... а выбил ей его своим щупальцем карачи, когда в бою не отдавала она ему своего годовалого ребенка.

Город... родина...

Спасибо тебе, Господь-Аллах, пришли наконец-то. Вот они, колонны над треугольной крышей; лестница, выдирающаяся из песка и пыли,

степенно поднимается вверх щербатыми ступенями. Загадочные лица над дверью — с пустыми глазницами и узкими подбородками... одно лицо плачет, а другое жутко смеётся... и непонятная надпись «*Озёр...к...й т...атр им. ...акси... Горько...*»... и маленькие окошки, заложенные мешками с песком во времена незапамятные, неведомые. Быть может, ещё и Старыми Людьми. Потому, как слежались эти мешки так, что между верхней балкой окна и верхним мешком два кулака просунуть можно... видать, от карачи отбивались когда-то.

Вот мы и внутри. Ну, а теперь вниз, вниз, вниз, по широкой лестнице, мимо большой статуи человека-Ленина с отбитой рукой... в спасительную прохладу старых знакомых стен. Ну их, этих гостей! Кто успел — то два съел! Пусть пока староста Володя им втирает... про родной Город, загадочный «*т...атр*», зловещий Комбинат, который совсем рядом, — и прочие местные достопримечательности, включая Установку-кормилицу, счастье и надежду нашу. Аминь!

Уф... теперь можно отключить комбез, быстро-быстро содрать его с себя в тёмной, облицованной кое-где белым кафелем комнате, вымыть ноги и переодеться в обычную одежду...

Хм... это, наверное, Маринка рукав зашила...

Боролись тут с дядько Сашей, аккуратно перед выходом в дозор, ну и покалечили одежонку — так по шву и затрещала. И чинить самому уже некогда было. Спасибо, Маринка! Хорошо бы, конечно, чтобы комбез домашний так же сам себя латал, как и дозорный... то есть, военный. Да и поддув такой же прохладный во все места не помешал бы!

Да, вот, не дал Господь-Аллах такого счастья, — зашивать, да штопать приходится. Ну, ничего, не маленькие... перебьёмся-перетопчемся, как говорит старый Хаим.

Егор торопливо ополоснул лицо, вымыл ноги. Армейские ботинки, конечно, не те говноступы из верблюжьей кожи, что приходится носить в Городе, но и от них устаёшь. Ноги перемены просят. Он сунул комбинезон в шкаф — кто там у нас следующий в дозор? Карим? Эх... опять он калаш не почистит! Ну, да ладно, это всё потом разберёмся... не забыть бы самому почистить оружие!

А теперь — бегом — гоу-гоу — в зал Совета, мимо закрытых дверей, мимо жмущихся к стенам любопытных людей, прямо по длинному коридору. Эй, разойдись!

Вот и надпись «Гардеро...».

Теперь слёту поворачиваем мимо старого Кима:

— Привет, Ким! Всё власть охраняешь? Святое дело! Ого, а это что у тебя? Господь-Аллах, опять штаны расстегнулись?! Да ладно тебе, никто ничего пока не заметил... Извини, потом всё расскажу! После Совета!

Егор осторожно толкнул дверь. Изнутри, естественно, к ней прислонилась необъятной задницей Лада-оглы, а если по настоящему — Лада Макова — все-то уши она Городу прожужжала о том, что сам Великомученик Тагил-мэр-бай, Танк-Веры-Истины, да благословит его Господь-Аллах! — ей приходится самым что ни на есть прямым предком.

Нет, ну не сидится ей, как всем нормальным правоверным... обязательно надо стоять, прислонившись пятой точкой к двери!

— Ой! Извините, Лада-оглы... я вот тут...

— Выкинуть бы тебя, мальчишка, шайтан! — прошипела Лада-оглы. — Сядь вон там, не мешай!

Егор, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в полумраке, прополз на четвереньках в угол, сел и затих. Никто не обратил на него никакого внимания... а могли бы и шугануть. Странно... даже Лада-оглы возмущалась лишь только тем, что он ей под зад дверь с разгону двинул. А что на Совет припёрся без приглашения — слова не сказала...

Странно... но замечательно, правда?

* * *

Егор осторожно пошевелил ногами — затекли. Пол-то каменный, да ещё и расположиться поудобнее не получается. Совет и гости на подушках сидят, им-то что... а тут майся. Ромка-джи пыхтел над ухом и постоянно пытался навалиться ему на спину.

Староста продолжал плаксиво, но с какими-то внезапными визгливыми похвалениями, бубнить об Установке. Всю историю Города гнал подряд, старый хрыч: о том, как в великом бою наши отцы и деды отбили здешнюю Установку чуть ли не у самих демонов... да так у неё и укрепились. Как несколько лет искал нужные режимы Борис-оператор, да упокоит его Господь-Аллах на тенистых пажитях! Как получили предки фирман-Москва едва ли не от самого Президента-эмира на владение и установление границ. Как школу Веры-Истины утверждали. Про договоры и клятвы с Комбинатом затянул, — где сплошные атомы и радиация, — Господом-Аллахом проклятое место, — спаси и сохрани нас от тамошних дикарей — пусть в других местах свою смерть ищут. И вообще, мол, Комбинат, — а его ещё сам человек-Ленин строил! — через нашу

голову со злокозненным Городом Полевским стакнуться норовит, еретики-гяуры-блять...

Тоска! Нет, ну тоска же смертная!

А Зия с Саввой — ничего. Терпят. Сидят на высоких подушках, слушают, улыбаются, только ген-кумыс иногда прихлёбывают. И даже вопросы норовят вставить... да где уж там! Староста, как пойдёт про политику, так его только мулла-батюшка осадить может. О, Господь-Аллах, теперь про верблюжью чуму девяностых в нашем Городе затынул... подвиги зоотехников... в общем, сплошная самоотверженность предков, каковые не в пример своим ленивым потомкам понимали толк в жертвенности духа...

Это Егор ещё не с самого начала пришёл, не иначе староста прямо со времён Святого Джихада, а то и прямиком с Иисуса-Любви Крестоносца начал!

Егор в сотый раз двинул локтем куда-то наугад, и Ромка-джи зашипел от боли.

— Балбес-шайтан... больно же! — но на спину наваливаться перестал.

Егор, стараясь не кряхтеть, переменял положение.

— Ну-ка, руку убери! — вдруг выпалила Маринка, и сидящие перед ними люди стали оборачиваться.

Ромка-джи запыхтел ещё сильнее. Егор, было,

удивился, но тут же сообразил, что Маринкина фраза относится не к нему, а к проклятому Ромке-джи. Хотя белеющие в полумраке круглые лица Аллы-оператора и её мужа дяди Ани явно смотрели именно на него.

— Выгоню! — коротко сказал дядя Аня и отвернулся.

Егору было обидно, хоть разворачивайся и лупи Ромку-джи в ухо прямо тут, в Совете. Однако — выгонят сразу. Одного-то, может, и простили бы, а втроём...

Маринка, молодец, тихонько так, вежливо, как камышовая крыска, заранее просочилась. Зря только Ромку-джи с собой взяла, шайтана дурацкого! Тупой, блин, как верблюжья задница, а туда же! Подумаешь, в Челябинске был... ходжа задрипанный... руки распускает...

Егор с досады закусил губу и стал смотреть на светящийся тусклыми пятнами потолок. О, глянь-ка, ещё несколько тёмных пятен появилось! Во-о-он там раньше пятно было на голову человека похожее, а теперь не пойми чего получилось. Дед говорит, что потолок когда-то просто огнём сиял, а теперь выдыхается, пятнами идёт. Прав был дед. В этой комнате раньше школа была... потому что из всех других так и оставалась самой светлой... ещё и мы сюда первый год бегали... а теперь школу в

другом месте держат, где солнце через маленькие окна под потолком светит.

Поутру, бывало, занесёт их песком и мулла-батюшка гонит наверх пару дежурных — отгрести... Раз они с Ромкой-джи, — а ведь здоровые уже были, лет по тринадцать! — добаловались и высадили стекло. Песок на школьный комп посыпался. Мулла-батюшка прочёл молитву о кающихся грешниках, засучил рукава своего комбинезона... и ка-а-ак врезал своим посохом по задницам обоим дежурным... ох и больно же было! Не приведи Господь-Аллах ещё и под его посох попасть — в его руке сила праведная, солдатская... и калаш у него именной, собственный. Ещё от Первосвященника Ивдельского... реликвия!

— Слышь, Егорка, где ты их нашёл, а? — зашептал сзади Ромка-джи. — Там, где капище с крестом?

— Нет там креста, — сухо ответил Егор.

— Так там же крест торчал! Куда мог деться? Карачи стащили?

— Какой крест, дубина! — не выдержал Егор и повернулся. — Это не крест совсем... а так, обломки какие-то. Нечестивое капище в другом месте!

— Тише ты! Смотри, аминь уже начали!

Егор посмотрел на старосту и вдруг понял, что тот замолчал и оmyвает руками лицо. Все в комнате нагнули голову:

— Господь-Аллах, Вера-Истина!

— Аминь, — закончил Зия по праву гостя. — Теперь, как я понимаю, наша очередь?

— У тебя фирман-Москва, ты говоришь — мы слушаем. Москва — сорок добродетелей, Москва всё видит, престол её у врат райских, семь холмов её — семь твердынь Веры-Истины! — забубнил нараспев староста Володя.

Ох, и хитрый же он у нас! Савва всё пишет, всё подряд — это уж точно. «До Москвы далеко, Казань не близко, но слово не воробей, — хоп! — и пошло гулять по свету», — говаривал дед. А староста Володя перед гостями стелется. Ишь ты, даже позволил им на Совет со своим оружием прийти, чего только самым высоким гостям дозволяют! Хотя, с другой стороны, пойдн, прикажи им с голыми руками на Совет явиться!

— Я вот что предлагаю, сказал Зия, улыбаясь во весь рот, — Сейчас мы закруглимся и дружно пойдём отдыхать. Полномочия, как вы поняли, у нас самые широкие, в Городе мы дней пять пробудем и всё сами увидим. Спасибо Совету и старосте — историю вашего рода мы уже знаем, а что не знаем — вы нам и покажете.

— Потом, солдат, поди, в Город приведёте! —

дерзко выкрикнула Алла-оператор.

Народ зашумел, задвигался. Ей с мужем можно дерзить — их семья при любой власти пригреется! Установка-то всем нужна. Комбикорм верблюдам, овцам пойло, глюкоза, ген-галеты... всё от неё, Установки-матушки, благослови её Господь-Аллах! Секреты у них семейные, хрен кто ведаёт... так что без них, операторов, никуда!

— Не приведём, если лукавить не будете, — спокойно ответил Савва, а Зия засмеялся. — Мы в Святой Академии Наук — не военная разведка.

— Ага, не разведка они, — нагнувшись к уху взмокшего Егора, горячо дышала Маринка. — А сами с ног до головы во всём новеньком... Мама-Галя говорит, что...

— Тихо! — крикнул староста. — Разгались! Совет окончен. Завтра вечером соберёмся — опять гостям слово будет.

Народ стал подниматься, кто-то натужно закашлял и звучно пукнул. Старый Ким уже торчал в дверях, кланяясь. На шее у него болтался тревожно попискивающий ветхий страж-анализатор, среагировавший на оружие гостей. Бережёт его Ким. Один такой прибор, на весь Город один. Давным-давно, во времена незапамятные за прибор трёх верблюдов отдали. И то, говорят, повезло, по дешёвке взяли!

— Егорушка, пойдём, попробуем с ними

поговорить? — блестела глазами Маринка. Ромка-джи виновато топтался рядом. — Пойдём, а? Про Москву спросим... там всё-таки моя прабабка жила!

— Не жила, а бывала, — буркнул Егор. — Иногда.

— Тебе-то что, ты с ними почти два дня общался! — тотчас надулась Маринка. — Даже фильм-файлы смотрел. Ну и иди... мы с Ромкой-джи сами... раз ты такой...

— Ладно-ладно, — торопливо сказал Егор.

Не хватало ещё, чтобы его оттёрли в сторону! А кто их сюда привёл, скажите на милость? Оно конечно, компьютер с «комарами» у Саввы тот ещё, сам довёл бы их до Города... но всё-таки!

У колонн уже толпился народ. На лестницу вверх не поднимались — всё ж таки Совет! Но у подножия стояли плотно, старики в первых рядах, — и кто-то из молодых уже сажал на плечи смешливых и любопытных девчонок. Разнокалиберная детвора облепила близлежащие стены. Некий сопливый шкет уже умудрился сверзиться и вопил, как недорезанный. Его с проклятиями выковыривали из колючек.

Было душно. Солнце садилось жёлтым выпуклым диском, пристально уставившись прямо в глаза выходивших людей. Безголовый идол человека-Ленина чёрным пузатым силуэтом торчал

над угловатыми верхушками ген-саксаула. Небо пламенело. Неподалёку взревел верблюд — говорили, что, мол, приехали нынче аж с самого Куяша... но это было явной брехнёй — не ближний свет!

Впрочем, фирман-Москва не каждый день на голову падает... могли и приехать.

— Кончилась наша прежняя жизнь, — неожиданно спокойно сказал староста.

— Рано или поздно, так и должно было случиться, уважаемый староста Володя, — рассеянно ответил Савва, глядя куда-то поверх толпы.

Зия поднял руки и крикнул:

— Привет, люди, привет!

— Мир тебе, человек добрый, хан-батюшка, — разноголосо загудела толпа. — Мир тебе!

Совет и гости стали чинно спускаться с лестницы.

Вообще, конечно, необычные люди эти Зия с Саввой, не станем врать! Пожалуй, они даже более загадочны, чем шатун-боец, встреченный Егором полгода назад. Помнится, как ни странно, тогда более всего именно Маринка выпрашивала у Егора подробности его встречи с молчаливым «пустынником по обету». Что уж случилось с

человеком, какие грехи он замаливал, подавшись в шатуны, это Егор вряд ли когда узнает... но встречу эту запомнил он навсегда.

По обету ушёл из Челябины в пустыню жилистый Лю Шань, инженер по программ-ирригации. Похоже, сам на себя епитимью наложил... и немаленькую! И что интересно — по кодексу покаяния мог он выбрать себе два пути. Первый — совершенствование в оружии и наём к любому из власть имущих, если он твёрдо уверен, что дело у хозяина праведное и не множит число вдов и сирот.

Лю выбрал себе второй — самую тяжёлую и скорбную долю... шатун-боец без снаряжения. Есть комбинезон, чтобы в пустыне не сдохнуть, есть холодное оружие... и всё! Сам себе врагов выбирай... и здесь уж держись! В борьбе, которую считаешь праведной, — слабых защищай, Веру-Истину в самой её милосердной ипостаси проповедуй, используй любое оружие, но только то, что сам у врага отбил, — дерись, себя не жалея... и молись, что выбор правильный сделал.

Ошибся в выборе, умножил зло — считай, что навеки душу бессмертную загубил. Бесповоротно и без возможности повернуть всё вспять. Оно, конечно, Господь-Аллах в бесконечной мудрости своей последний и справедливейший суд вершит над нами, поскольку нам, смертным, всё в тумане

видится. Но Егор, честно говоря, не смог бы честно и откровенно сказать, что всегда отличит чёрное от белого, праведное от неправедного, истинное от ложного. Поэтому и не может он пока представить себя шатуном-бойцом... и вряд ли когда сможет. А ведь все пацаны с детства в этих героев играют и файлы о них смотрят!

Встреча их была мимолётной, но Егор навсегда запомнил тоскливый взгляд Лю. Видимо, понимал тот, что можно на всей планете справедливость установить, перебить всех неправедных, но...

...но не вернёшь при этом ни умерших, сердцу дорогих, ни ошибок своего прошлого не исправишь.

По закону поступил Егор, все потом хвалили, всё правильно сделал. Предложил всё, что у него есть, что может воину по обету понадобиться, включая помощь в бою и жизнь в жертву. В Город пригласил. Но Лю Шань отказался. Взял только воды немного и попросил Егора принять от него в знак благодарности фигурку Конфуция-лжепророка, вырезанную из синего камня. Сказал, что камень этот — небесный, нефритом называется. Подарок от такого воина — не грех, хоть бы он тебе статую самого Сатаны подарил. Праведность обета всё очищает, как сказал мулла-батюшка. И фигурка, с той поры, в Храме на

одной из полок с дарами стоит. И все-все Егору завидуют... и сердятся, конечно, что не уговорил он Лю Шаня хоть денёк в Городе передохнуть.

Мало таких людей, да! Очень мало. Да и то сказать — не каждый истинно верующий этот груз выдержит, ибо снимает с себя такой воин свой обет сам. Тогда только, когда поймёт, что достиг успокоения в душе и мира с Господом-Аллахом. И лучше уж не брать такой груз на душу, уповая на милосердие Вседержителя, чем мучаться и искупать грехи свои... и знать, что эта ноша скорее сломит тебе спину, чем тернистым путём приведёт к искуплению и покою.

Награда велика... но и путь чересчур тяжек.

Егор мысленно помолился за Лю Шаня. Хороший он. Пусть будет Господь-Аллах к нему милостив, пусть!

— Я знаю, — неожиданно заявил Ромка-джи, укладываясь спать. — Это ген-солдаты. Они могут руками бетон крошить, сталь гнуть и на лету пули зубами ловят. Как ниндзя Господа-Аллаха.

— Ген-солдаты запрещены! Это демонское проклятие, — громко сказала из соседней комнаты Маринка.

— «Всякое изменение генетики человека — насилие над Верой-Истиной!» — процитировал Егор. — Ерунда всё это. Нормальные мужики.

И не утерпел, похвастал. — Я с ними почти два дня шёл!

— Да слышали мы уже сто раз, — перебила его Маринка. — Прикройтесь там, если голые, я к вам иду.

Егор поспешно завернулся в одеяло. Маринка появилась в дверях, закутанная с ног до головы и аккуратно присела, прислонившись спиной к косяку. Из-под одеяла смешно высунулись маленькие босые ступни.

— А почему бы и нет? Вот смотрите, ген-саксаул — это же генетически изменённое растение, — гнул свои еретические речи неугомонный Ромка-джи. — Или ген-галеты...

— Ген-галеты и саксаул — это совсем другое! — решительно отрезал Егор. — А человек — создание Господа-Аллаха по образу и подобию своему. И поганить его генетикой нельзя.

— Саксаул тоже создан им... — тихо пробормотал Ромка-джи, но Егор сделал вид, что не слышал.

С Ромкой-джи всегда так. Он как-то давно к операторам пристал, мол, почему корни Установки гонят вверх только глюкозу, комбикорм для верблюдов, бродило-нанотех для грядок и пойло для овец. Ему ответили, что так задумано было ещё Старыми Людьями... и шагай отсюда, шайтан тебя

побери, не путайся под ногами. Но Ромка-джи обнаглел и заявил, что коль скоро Установка умудряется из-под корки болота, из вонючего чёрного иртяшского ила вытягивать комбикорм и бродило, так, поди, сможет и сыр с маслом... ежели с умом настроить, конечно.

Операторы подняли его на смех, а Ромка-джи возьми, да и ляпни, что, мол, операторы уже которое поколение из года в год одни и те же кнопки нажимают, а на это, мол, большого ума не надо!

За что и был отгаскан за уши... а чуть позже выпорот муллой-батюшкой.

«Ты, Ромка-джи, поостерегайся такие слова говорить, — напоследок сказал ему, распалившись, мулла-батюшка. — С таких разговоров самая зловредная ересь и начинается! А неймётся — гони в Челябинск самоходом, не заплачем. Там каждой твари по паре: и крестonosцы, и лунатики, и хунхузы... одни еретики-гяуры-блять... вот и составят тебе компанию — пошёл!» — и, взяв дурака за ухо, поволок к выходу... на ночь-то глядя!

Ромка-джи представил себе, как его в пустыне, одинокого, пожирают огромные карачи, и взвыл так, что Мама-Галя подумала — всё! — её приёмного сына мулла-батюшка насмерть засёк! Влетела в комнату — и на священника! И кулаками

его, кулаками... ревёт и лупит, лупит и ревёт.

Страшно неловко было на всё это смотреть!

Мулла-батюшка здоровенный, хмурый, — Мама-Галя ему до плеча только достаёт...

— А палатка у них тоже... генетически изменённая? — спросила Маринка.

— Палатка — это нанотех, тут ума большого не надо, — отмахнулся Ромка-джи.

— А компьютер? Ты его в глаза видел? Почему у Зии прямо из ладони все схемы и картинки в воздухе показываются?

Это было действительно чудо. Всё такое яркое, объёмное... живое просто. И действительно, прямо из ладони! В воздухе повисает.... А то и на любую стену спроецировать можно, вот ведь чудеса-то какие! А «комариный» экран, а карта?

Старики за пришельцами по Городу не бродили. Из гордости и для солидности. Зато молодёжь и ребятня им проходу не давали, лезли с вопросами — что, мол, да как там, на белом свете? А правда, что в Москве на Луну летают, а не только демоны? Кто-то даже клялся, мол, видел своими собственными глазами новые блестящие пятна на Луне... дескать, только что добавились к старым.

А правда, что в морях демонские корабли в воду карачи запускают?

А правда, что в космосе можно в параллельные миры попасть?

А правда, что в Москве тоже карачи есть?..

Вот и брякнули. Нашли вопросец. Даже как-то и неприлично про такое говорить. Все сразу притихли, а Зия неохотно сказал, что карачи — они везде есть, но в Москве их не в пример больше. И всем стало почему-то неловко...

Но ребяшня не унималась. А правда, что у президента-эмира такой компьютер есть, что всё-всё на свете видно? А правда, что в Челябине, то бишь в Челябинске, Москву не признают? А правда, что в Москве все-все могут в Сеть входить, а не только старосты и муллы-батюшки и не только в школе? А правда, что...

Зия смеялся и отвечал охотно. Савва, тот всё больше хмурился и что-то бормотал на ходу. «Соображения свои записываю... а то память дырявая», — ответил он на вопрос, чего это он там, молитву от карачи читает? И все засмеялись. Смешной Савва! Чего уж тут за ними записывать. Из Москвы прибыл, где всё на свете знают, а мы-то что?

Зия обещал, что многое чего в комп старосты Володи закачает и всем-всем покажет, пока они с Саввой не уехали. Теперь староста, небось, не отвертится, всё разрешит смотреть!

А теперь, вот, никому не спалось. «Ну и денёк!» — подумал Егор, плотнее заворачиваясь в дышащее прохладой старое армейское одеяло. Тоже, от деда ещё осталось. Как и комбинезон — прохладу гонит... или наоборот, греет, если вдруг холодно станет. Утром на весь день на солнце его повесишь, подзарядится. До утра едва-едва работает, но это надо аккумуляторы менять, а их на такие вещи дорого использовать, да и комнаты у них глубоко, здесь всё-таки по ночам много прохладнее, чем наверху.

— Компьютер и у Зии, и у Саввы в теле зашит, это ясно, — разглагольствовал тем временем Ромка-джи. — Или где-нибудь в ягодице, если большой и места много требует...

Маринка прыснула:

— А сидеть как? Боком?

Егор нахмурился. Вечно этот Ромка-джи Маринку смешит.

— А вот мне другое интересно, — воодушевлённо продолжал Ромка-джи, не замечая, что из-под одеяла уже видать исподнее. Он размахивал руками, то и дело зверски ерошил шевелюру, невидящими глазами глядел на пустую ладонь, и снова запускал её в густые чёрные волосы. — Они же так и не сказали, куда после нас пойдут! Егорка, слышь? Спорим, что им в Эко-терем-бург надо?

— Там в песке всё, — неохотно ответил Егор. Желание спорить у него пропало. Ишь, как Маринка на Ромку-джи уставилась, аж глаза сияют. — Люди говорят, что только у Шарташа-озера нормальная власть есть. Установка стоит. Короче, почти, как наш Город. А по пескам вокруг одни еретики-гяуры-блять култыхаются. Хунхузы там... полевские, то есть из Полевского-Города еретики, а не солдаты... да те же лунатики. Верблюдов угоняют, людей воруют... с песчаниками, паразиты, заодно! — добавил он, не удержавшись.

Неподалёку заорал какой-то младенец. В стену с той стороны со злостью стукнули.

— Потише говори! — сказала, понизив голос, Маринка. — Перебудишь все ясли.

К орущему младенцу тотчас присоединился другой. Как сговорились! В стену грохнули ещё раз.

— Ну, завели... — проворчал Ромка-джи и улёгся на бок, подперев голову рукой.

— Я спать пошла. Мальчики — пока! — и Маринка грациозно помахав рукой, удалилась, довольно талантливо изобразив своё знаменитое «крадущийся карачи». Если только, конечно, карачи умеют также изящно заворачиваться в одеяло.

Малыши продолжали орать. Эх... угомон вас

возьми, мокрозадые! Поскорее бы уж в другое место перебраться, как взрослым. Эти шайтан-ясли кого хочешь с ума сведут. Но, опять же, как без них?

Известное дело — храни грудного до полутора лет! Если карачи его у людей не украли — молись Господу-Аллаху — пронесло! Лоб расшиби, но — молись! Миновала тебя беда лютая. Дед говорил, в ранишные времена целые битвы происходили. Ромкина семья, например, отбилась, не отдала сына. Мать его только пострадала при ударе от «глушилки». Болела долго и умерла. А отец Ромку-джи выходил, укрыл от карачи... уберёг. Но и долго не жил. Болел. Старухи говорили, что его карачи сглазили, но Егор маленький сам видел, что Ромкин отец весь в шрамах и рубцах глубоких был. Чудо, что не сразу, как покалечили его, помер!

Мысли стали путаться. Перед Егором вдруг прошла Маринка... кокетливо завёрнутая в одеяло, как в невиданно красивый плащ-палатку... потом пошёл дождь и Егор удивился — вроде, не время для дождя... лето в разгаре... а потом ни с того, ни сего карачи рылся в песке и вдруг рассыпался на целую кучу маленьких муравьёв... «Нет, не муравьёв — маленьких карачи! Маленьких карачи!» — спокойно подумал Егор...

И уснул. Как в чёрный ил Иртыша провалился.

Ничего хорошего не сказал им мулла-батюшка при встрече. Вызверился только на пришельцев, мрачно головой кивнул на их приветствие. Огромный, заросший бородой по самые глаза, он был выше даже Саввы... да и в плечах пошире. Станный его комбинезон — армейский, но какого-то зелёного цвета с жёлтыми и тёмными пятнами, — не песчаной раскраски, нет! — казалось, был ему тесен. Хотя, как может быть тесной нано-ткань?

— Мы пришли поговорить о Комбинате, — спокойно сказал Зия.

Мулла-батюшка повернулся и махнул рукой куда-то внутрь Храма.

Егору до смерти хотелось зайти, но он боялся. Сзади переминался с ноги на ногу Ромка-джи, а чуть в стороне стояла Мама-Галя. Платок на ней был повязан на мужской манер — сзади. Выбитый глаз повязкой прикрыт... потому что веко запало. А так, если привыкнуть к повязке, она всегда была красивой. Маринка вся в неё — и волосы такие же буйные, чёрные. Только Маринка их в хвост забирает, а Мама-Галя почти всегда распущенными носит... «чёрная комета», как однажды назвал её дядько Саша. И выбитый глаз, и мужской

комбинезон её не портят, и даже самодельные мягкие сапоги из верблюжьей шкуры. Всё равно, на зависть всем женщинам Города, абсолютно все мужики на неё поглядывают.

— Николай, — позвала она муллу-батюшку, тот тяжело обернулся в дверях. — Мы тоже все зайдём, ладно?

— Зачем? — помедлив, спросил мулла-батюшка.

— А вот там и узнаешь, — с вызовом ответила Мама-Галя. И вдруг, ласково, так, — Николай, ну, что ты? Людям помощь нужна...

Мулла-батюшка засопел, насупился, а потом отвернулся, буркнув:

— Двери Храма для всех открыты. Денно и ночью, — и прошёл внутрь.

Храм в Городе был хороший. Егор сказал бы даже — знаменитый Храм. Ежели кто в Город приезжал — все восхищались. Далековато стоял, на отшибе, но «путь к Господу-Аллаху коротким не бывает», говорил мулла-батюшка.

Войдёшь в Храм — мозаика бликами тонкими, огоньками живыми льнёт. Люди какие-то... планеты... флаг красный...

Из древневерского только одна надпись и понятна: «Кино». Вот, поди, компьютер-то здоровенный здесь стоял! Ромка-джи говорит, что

тогда фильм-файлы с запахом показывали. Врёт, конечно, но здесь, перед красотой такой, поневоле поверишь...

Один молельный зал чего стоил! Огромный, красивый! Со сценой-алтарём для избранных, с белым экраном во всю заднюю стену алтаря, с небольшой комнаткой за противоположной экрану стеной, два небольших окошка которой выходили прямо в зал над головами молящихся, рассаживающихся на вытертых добела креслах, стоящих строгими ровными рядами.

Бывало, как включит священник энигму — просто плакать хочется. А на экране святые картины плывут: Москва, космос со звёздами и планетами, Господь-Аллах на серебряном облаке руку Адаму протягивает, Иисус на горе проповедует, Давид-Микеланджело хмурится, Святая Мона-Лиза улыбается, Великомученик Тагил-мэр-бай Танк Веры-Истины пламенем объят, врывается в гущу врагов на своей боевой машине и атом-заряд вручную взрывает. Имам-отступник на ветке, иуда, болтается. Гагарин-шайтан весело смеётся...

Егору всегда его жалко было — чего, вот, к солнцу стремился? Хотя, в принципе, всё хорошо закончилось. Господь-Аллах строг к дерзким... но милостив. Вот, погиб Гагарин-шайтан, а ведь вся Земля его оплакивала! И дал ему Вседержитель

место у трона своего... за красоту душевную, и простил прегрешение... только молиться Гагарину-шайтану людям запретил. Сам-то он за путешественников и странствующих молится, а вот ему помолиться — не положено. Просить помощи — можно, а молиться — грех.

А ведь мог Гагарин-шайтан жить да жить... президентом-эмиром России стать, да?

А вот и святая картина Эмира-Казань, который Россию спас! Смеётся... прямо, как живой! В одной руке крест, а в другой полумесяц. Это его Господь-Аллах живым на небо взял... за Великое Прозрение Веры-Истины. С него, с Прозрения этого и Джихад новый смысл обрёл.

Ну, и конечно, святой многомудрый Джон-кормилец, сонмом учеников-продолжателей окружён. Он самую первую Установку сделал, что нанотехом из нефти еду тянула.

Ромка как-то сунул любопытный нос в компуллы-батюшки. Тот его на урок принёс, да что-то заговорился с родителями после вечернего намаза. Там, в компе, все святые картины были... ох, и много же! Пацаны с девчонками до этого и половины не видели, оказывается! И мученики, и демоны (только и отличишь от людей, что надпись «демон» внизу), и какие-то Города и Храмы. Не иначе — Град Небесный, сказала тогда Маринка. И Мария-Мать красавица, и Иисус на кресте, и

зверо-демоны — динозавры — глаза разбегаются!

А в отдельных файлах — энигма-псалмы, столь Эмиром-Казань любимые. Не просто так, а подписанные все не русским, а демонским компьютерным языком: Enigma-Voyager, Enigma-Remember The Future, Enigma-Metamorphosis... А по-русски нет ни одного названия. Бессмыслица какая-то... но до чего же красиво звучит энигма, когда её слушаешь! И слова к ней красивые написаны.

Когда энигму поёшь, на душе светлее. А иногда тревожно так становится... хоть плачь, пусть и душою возвышаешься. Мулла-батюшка, когда вернулся, на удивление не рассердился. Дал Ромке лёгкий подзатыльник и сказал, мол, подрастёшь, всё сам в Храме и увидишь. Энигму пойте, ребятня, хоть до утренней зари, а в святые картины пока нечего любопытный нос совать — не доросли ещё. А надписи, мол, хоть и демонские, но не злобные. Господь-Аллах может и демонов на службу поставить — не пикнут, будут повиноваться.

Егор вспомнил, как в третий раз в своей жизни в учебный дозор пошёл. Да не с кем-нибудь, а с самим муллой-батюшкой! Учебный, это только говорится так. На самом деле опытный боец с молодым в паре работает. Чтобы тот, как говорится,

пообтесался.

Два дня нормально всё было, а на третий — хоп! — и засекли они пятерых шатунов. Понятно было, что те не просто мимо идут, а методично кружат по округе, высматривают, как удобнее к Городу подойти, прикидывают пути и высматривают ловушки. Ведь именно о них говорил намедни Карим. Только тогда они с юго-востока шли, огибая Комбинат. Видать, нездешние. Но шли аккуратно, засекая автоматические доты, да и к Комбинатовским владениям не приближались.

Карим приготовился, было, к отпору, — трухнул здорово, как сам потом признался, — но на его счастье, свернули шатуны, свернули и в сторону от Города двинулись. Карим снял их на камеру калаша и картинку переслал старосте. Егору тогда запомнился один — тощий, со старинным протезом правой руки и совсем уж чудным экзоскелетом от пояса и ниже — на обеих ногах. Такое только в файлах по истории и увидишь. Но шатун двигался ходко, если судить по нескольким снятым подряд стоп-кадрам.

Вот и теперь он шёл третьим, узнать его легко. Ишь, озирается кругом, в бинокль окрестности оглядывает...

— Дуй в Город, Егорка, помощи позовёшь —

сказал мулла-батюшка и посмотрел на Егора.

— Не пойду.

— А приказ?

— Не пойду и всё. Надо будет подмогу, так мы и позвонить можем...

Егор чуть не плакал. Взрослый он, взрослый! Ему пятнадцать давно уже исполнилось... три месяца назад... и калаш у него настоящий, а не какой-то там игрушечный! Зачем же его в дозор посылали, если мал ещё?!

— Молодец, — спокойно сказал мулла-батюшка и вздохнул. — Ну-ну, не хлюпай носом. Это я так, на вшивость тебя прощупал.

Егор обиженно засопел, но сказать что-либо не осмелился.

— Значит, так, — спокойно, как на уроках, сказал мулла-батюшка, — дуй к старому доту и держи южный сектор. Нам сейчас всех не положить. Залягут мгновенно и хрен ты их выкуришь. А вот мы с тобой в не очень удобной позиции. Понял? Да низом иди, низом... тихо и аккуратно. Не забудь про вешки, слышишь? Не торопись. Ну, пошёл!

Егор сполз с гребня бархана и ложбиной побежал в сторону старого дота. От возбуждения казалось, что не бежит, а летит, почти не касаясь песка. Огибая гранитные скалы, он сбавил ход и постарался успокоиться. Идти по минам надо

сосредоточенно и аккуратно. Вешек здесь много, но для постороннего глаза они ничего не скажут. Надо ориентироваться на цвет вешек, чтобы пройти узкой тропинкой.

Позади хлопнул выстрел! Мулла-батюшка!

Тотчас рассыпались ответные очереди. Ду-ду-ду-ду зловеще пробубнило что-то крупнокалиберное. Спокойно, Егор, не дёргайся! Жёлтый-чёрный-влево... нет! Прямо! Прямо?! Жёлтый-зелёный... жёлтый...

Спокойно!!! Сделай вдох, удержи его... ну?! Теперь — медленно, вслух, как на экзамене.

Жёлтый-чёрный-влево-прямо-синий-вправо-жёлтый-прямо-синий... всё! Прошёл. Прошёл!!! Спокойно прошёл, не задёргался, только взмок весь! Молодец!

Теперь — гоу-гоу-гоу!

Егор, утирая на ходу пот, в три прыжка проскочил тоннель входа, протиснулся в щель между навек прижавевшей дверью и косяком, чуть не споткнулся о корявые перекрученные балки, торчавшие из пола, и торопливо сунулся в пыльную амбразуру — скорей-скорей-скорей! За спиной пискнул перепуганный ген-тушканчик и ушмыгнул куда-то в щель. Несколько щупалец, свисавших с потолка слабо пошевелились, видимо, почуяв человека. Уж сколько лет, как дот не действует, а смотри-ка, автоматика ещё подаёт признаки жизни!

Стрельба стала громче. Калаш муллы-батюшки Егор по звуку из тысяч узнал бы. Но тот пока молчал... ой, нет! Вот сухо щёлкнули два выстрела — экономит патроны, как и все дозорные. Да и шатуны лупят только скупыми короткими очередями. Однако, где же они?

В ушах пискнул вызов и спокойный голос муллы-батюшки произнёс:

— Егор, не подстрели меня сдуру, я сейчас тебе на глаза покажусь.

И вправду, вывернулся откуда-то из-за кустов ген-саксаула, метрах в двухстах от дота. Маленькая фигурка кувыркком скатилась с гладкого песчаного склона и метнулась к ржавому остову непонятного механизма, наполовину заросшего колючим вьюном-хватайкой. Ох, и ловко движется мулла-батюшка! А вроде, здоровый такой, почти на полголовы Егора выше!

Из-за склона что-то блеснуло. В прицел Егор ухватил руку с зеркалом на рукаве — осматривается шатун, не рискует. Это хорошо, что мулла-батюшка их к доту заманил. На склоне-то, как на ладони все будут.

— Жди, — сказал голос муллы-батюшки.

— Угу, — ответил Егор, стараясь не отвлекаться.

На склон осторожно выползли двое. Третий оставался вне видимости, только зеркало

поблескивало. В ушах пробормотал сервисный голосок: «Внимание! Попытка сканирования! Попытка сканирования!» Ну, ясно. Хотят выяснить, есть ли где поблизости помощь одинокому бойцу, который так неосторожно напоролся на шатунов. Хе-хе... сейчас мы их разочаруем... надо только переждать, пока они убедятся, что боец был один..

Вот оба открыли огонь по железяке, единственного до самого дота естественного укрытия. Это ничего. Там хоть и едва-едва хватает места для такого большого мужика, как мулла-батюшка, но всё же надёжное укрытие. А дот они не засекут. Уж чего-чего, а сеть на нём почти исправная. Метров с пятидесяти — и то хрен определишь, что это не просто уральский гранит из песка торчит, а долговременная огневая точка.

Шатуны разделились, пытаюсь обойти железное укрытие муллы-батюшки с флангов. Надо сказать, движутся они коряво. Не обучены они грамотно воевать. Им по большому счёту не труп, а «язык» нужен. Раз человек с оружием у Иртяша бродит, значит где-то рядом и пожива есть. Не развалины же он охраняет.

Егор тщательно прицелился. Тот, кто карабкался в обход с левой стороны вдруг дёрнулся и приник к калашу. Засёк!

Егор снял его, как на учениях. Видно было, как брызнуло в разные стороны, как крутятся,

взлетел в воздух обрывок головного армейского платка, как мгновенно окрасило песок вокруг дёрнувшегося тела. Теперь второй...

Рука за склоном исчезла. Второй быстро-быстро зарывался в песок, подняв облако пыли. Интересно, заметил ли он, откуда, с какой стороны поразил его дружка Азраил, Ангел Смерти? Егор аккуратно всадил в копошащегося три пули подряд. Всё-таки в шлеме шатун. Да и трудно в этой пыли разобрать, где там руки, а где ноги.

Шатун продолжал биться. Егор хотел было уже добавить, но тот вдруг затих. За склоном по прежнему никого не было. Мулла-батюшка уже быстро поднимался обратно наверх. Осторожно высунувшись, он приказал, нарушив теперь уже бесполезный режим молчания:

— Егор, сюда. Через амбразуру иди, не теряй времени!

Пока Егор протискивался, пока зигзагом бежал по песку, оглядываясь по сторонам, мулла-батюшка выстрелил ещё три раза. Егор с размаху плюхнулся на песок рядом с ним. Там, за склоном, не так уж и далеко, чернели два трупа.

— Подожди немного. Минуты через две я пойду, осмотрю их, а ты смотри в оба. Если и были ещё шатуны, так они либо во-о-он там появятся, видишь? Либо, что маловероятно, с правой

стороны. Если, конечно, по минному полю нормально прошли.

— Не пройдут, — тяжело дыша, сказал Егор.

— Не знаю, — отрезал мулла-батюшка. — Может, у них сканер имеется. Вряд ли, конечно, — шатуны драные какие-то, но бережёного... что?

— Бережёного — Господь-Аллах бережёт, — послушно пропыхтел Егор.

Всё обошлось. Шатунов, действительно было пять. Двух мулла-батюшка с самого начала завалил. Третьего, судя по всему, эмира ихнего, удиравшего, сходу. Это когда на склон вновь поднялся. Тому, что в песке барахтался, Егор умудрился влить пулю прямо в калаш. Всю казенную часть разворотил. Но на запчасти сгодится.

— Ты, Егор, в отца пошёл, — сказал мулла-батюшка, когда они собирали оружие и обшаривали трупы, — реакция отменная, а выдержки пока не хватает — учти это на будущее. Ну, да ладно. К тебе это придёт со временем... надеюсь. Не сообразил, что начинать надо было с правого, а левому деваться совсем некуда было. Там слой песка, сам знаешь, сантиметров двадцать, а дальше камень идёт. Уж он-то от тебя в любом случае не ушёл бы.

Егор кивнул головой и отвернулся. Тошнило жутко. Очень уж страшно выглядело то, что от

головы у шатуна осталось. Да и второй не лучше выглядел. Три пули всё-таки. Трёх, убитых муллой-батюшкой он смотреть не пошёл, тот сам их осмотрел. Решили с трупами не возиться, неподалёку утром ещё песчаники подвывали, вот теперь им будет, чем заняться...

Оставалось самое ужасное. С тошнотой Егор справился. Но теперь надо бы отрезать уши у двоих, самолично им убитых. Отрезать, в тряпицу завернуть, а дома кинуть в раствор дубильного бродила, которым верблюжьи шкуры под обувь обрабатывают. Ну, и высушить потом.

— Тебе это точно надо? — хмуро спросил мулла-батюшка.

Егор кивнул головой, не глядя ему в лицо. Конечно, совсем это необязательно... но, блин, все же войны так делают здесь, на Урале... почти все! Не по милосердному, конечно, но... обычай... и потом, уж шатуны бы не только уши, а и всего бы дозорного на части порезали. Так и пошёл бы, высушенными частями, по диким базарчикам и нелегальным лавочкам где-нибудь в Полевском, Челябине, а то и в дальнем Эко-терем-бурге. Мало ли дикарей-покупателей...

Как Егор уши отрезал, так лучше и не вспоминать. Но — смог. Правда, дома об этом не рассказывал, несмотря на то, что все, кому не лень, с восторгом спрашивали. Мама-Галя только

плечом дёрнула:

— Паршиво это, конечно, Егор. Но, живём мы у шайтана на рогах. Иногда приходится и такое делать. Маринке только не показывай, а то она ночью плохо спать будет.

Однако Маринка всё же выклянчила «одним глазком глянуть». И ничего! А то она этого не видела, да! Зато раньше чужие трофеи видела, а теперь — от Егора, настоящего дозорного! И поцеловала перед сном... аж в жар бросило. Ромка-джи иззавидовался весь напрочь, до головной боли, и по поводу Маринки, и по поводу трофеев.

А мулла-батюшка ещё, как только пришли, на Егора епитимию наложил. Давай, мол, очисти осквернённую душу. Егор не обижался — всё по-честному, по-мужски!

Аминь.

* * *

В этот раз разговора взрослых ребятам послушать не удалось. Мулла-батюшка сразу же попросил их принести воды, — водопровод в Храм так и не протянули, далеко! — и пока они брели к ближайшей колонке, да там ещё пережидали небольшую очередь, да ещё и обратно тащили бурдюки с водой, как верблюды, по жаре на

собственных горбах...

Егор услышал только, как мулла-батюшка закончил разговор:

— «Раньше, раньше»! Мало ли, что было раньше! Раньше, вон, холодно было, а сейчас до сороковых широт жарко. Глобальное потепление — спасибо Господу-Аллаху — вовремя закончилось, дав нам возможность жить в Вере-Истине.

— Не похожи вы на простого деревенского священника, — вкрадчиво, как показалось Егору, сказал Зия. — Армейская заквасочка, знаете ли... Бывший сполох-десант?

— А я не бывший. Я и сейчас на войне. Только война эта — за путь праведный, — отрезал мулла-батюшка, а Мама-Галя тихо сказала:

— Николай у нас и опора, и защита, и утешение. Уж и не знаю, что было бы, если бы не он был у нас священником... — и вдруг положила руку на огромную ладонь.

Егору стало неловко и он, отвернувшись, преувеличено громко заорал:

— Пошустрее, задохлики! Маринка! У тебя воды всего ничего, — не копайся!

— Как надо, так и иду, — пискнула упрямая красавица Маринка, не терпящая, чтобы последнее слово не за ней оставалось.

— Блин, бугай какой, — пропыхтел Ромка-джи, затаскивая в Храм свой бурдюк с

водой. — Тебе-то легко говорить... Ты и сам бы все три бурдюка утащил!

— Эй, молодёжь! — поднялся мулла-батюшка, — тащите всё, сами знаете — куда. И пошустрее обратно! Разговор есть.

Ребята уж было надеялись, что сейчас им гости дорогие, московские, все тайны Вселенной рассказывать начнут, но всех дел-то было, что освободили их пока от овечьей службы, приказали просто так по Городу не шляться, а ходить за Саввой и Егором, как на верёвочке. На все вопросы отвечать обстоятельно. Чего сами не знают — с нужными людьми сводить, носами не шмыгать, держаться с достоинством.

Но и то хорошо, что с овцами не возиться. А с Зией и Саввой интересно! Мама-Галя только улыбалась, глядя, как Маринка с Ромкой-джи ликуют. Егор, тот не скакал, не прыгал, держался с достоинством. Как-никак — дозорный!

— Считайте, что вы в дозоре, — кстати и сказал мулла-батюшка. — Ваше дело быть при гостях. — И хмуро посмотрел на Егора.

Егор подумал, что Город хочет всё-таки приглядывать за учёными... мало ли что! Ну что ж, он согласен быть его, Города, глазами и ушами. Иначе как? Никак! На самой границе живём. Дальше нас на юг — только пустыня. А на востоке

— где-то далеко, Китай. Так до Китая-то — шагать и шагать, да всё по местам незаконным, диким...

* * *

Грузовик дяди Ахмата так и валялся неподалёку от Совета. Всё, как всегда — скрыт побегими ген-саксаула, только кабина торчит, и суставы лап вьюном-хватайкой оплетены.

— А что лап-то... так и было, всего пять? — спросил, морщась, Савва.

— Таким и был... изначально таким! — отозвался старый Ким. — Ахмат его пригнал сюда году этак в двадцатом... так он уже и был тогда на пяти лапах, да! На пяти, точно помню, на пяти! Староста ему говорит, мол, Ахмат, ты бы чего получше пригнал, а то...

— Спасибо, господин Ким, — прервал его Зия. — Мы тут сейчас поработаем немного, авось, удастся взбодрить пятиножку, а? А вы пока удалитесь... э-э-э... на время. Если что — мы вас позовём, хорошо?

И не дождавшись ответа Кима, он раскрыл свой рюкзак.

Серёжа-слесарь с женой Шивой и сыном Егором-вторым принесли свои сумки. Егор-второй важно достал нано-тестер и снисходительно посмотрел на ребят. Важничает, засранец, как будто

что понимает в этом деле! Даже в Храм со всеми ребяташками не пошёл!

— Эх! — воскликнул Серёжа-слесарь, сдвигая на затылок повязку. — Фирман-Москва! И чего только не сделаешь для президента-батюшки!

Егор и Ромка-джи переминались с ноги на ногу в двух шагах. С одной стороны было ужасно любопытно... а с другой — Зия честно предупредил их о том, что, скорее всего раскуроченный пятилапый грузовик ремонту не подлежит. Несмотря на все приказы и поручения, ребятам не терпелось вернуться в Храм, где староста и мулла-батюшка перед намазом обещали москвичам прокрутить файл с новостями о мире, и где Маринка обещала им занять лучшие места. Савва с Зией были не против.

То, что староста обычно показывал, было, как правило, непонятным и до ужаса нездешним... прямо говоря, ненужным: какие-то войны на других окраинах России, а то и пуще — в непонятных местах... почти у самой Стены-Европа. А то заставлял их смотреть ежегодные обращения президента-эмира к народу... причём говорил тот всегда о делах закрученных, московских... иногда упоминал о Казани... а об Урале — ни слова! Как-то раз обмолвился о Пермском-буфер-каганате... так это тоже далековато! Нет, конечно, Урал — граница, но

всё-таки!

Зия с Саввой сказали, что файл — свежий, боевик, мол, только-только из Москвы.

— Так мы пойдём, а? — не выдержав, спросил Ромка-джи.

— Валяйте! — рассеянно сказал Зия и улыбнулся. — Вечером, после намаза встретимся!

Егор хлопнул Ромку по плечу и они наперегонки рванули к Храму, петляя лабиринтом ген-саксаула. Егор на ходу сорвал веточку карагача и крикнул отставшему Ромке:

— Кто последний — тому в задницу!

Ромка пыхтел, но упорно старался догнать.

На бегу Егор в сотый раз подумал, что, жаль, нет в живых деда Николая. Вот кто любил про старые времена поговорить, да и в новых разбирался получше любого в Городе! Уж он-то обрадовался бы учёным, ни на шаг бы от них не отходил. Память у него до последнего была, что твой комп!

У самого Храма сидел староста Володя. Он что-то бормотал себе под нос, прикрыв глаза. Старенький молитвенный коврик был аккуратно расстелен в тени козырька над входом в Храм. Неподалёку важно стояли несколько стариков из Совета. Запыхавшийся Егор перевёл дух и вежливо

поздоровался.

Староста приоткрыл глаза и кивнул. Подбежавший Ромка-джи сложил руки на груди и поклонился. Говорить он всё равно не мог — бежал шибко быстро. Ребята уже попытались обойти стариков по длинной дуге и пробраться в Храм, как староста, закричав, поднялся и негромко сказал:

— Егор, ты мне нужен. Поговорить надо. А ты, Роман-джи, давай, шуруй в Храм... началось уже всё.

Егор чуть не взвыл — вот тебе, здрасьте! А как же просмотр файла... и Маринка... и лучшие места в Храме?!

Ромка-джи довольно хихикнул и пулей умчался внутрь. Эх, невезуха какая, а?!

— Пошли, Егор. Присядем в Храме... только не в зале... чтобы не мешать никому...

Когда они уселись в маленькой комнате с двумя недействующими рукомойниками на стене, староста долго молчал. Вот, ведь, как издевается... старый хрыч! Отец его недолгоблывал... не зря видно!

— Москвичи провожатого требуют, — вдруг сказал староста. — Я-то тебя хотел нынче в Челябинск направить. В охране. Караван собираем... шкуры повезём, ген-кумыс, двухлеток погоним. В этом году с верблюдами у нас хорошо.

Ромка-джи уже был там, а теперь и тебе вместе с гостями пора...

— А кто в дозоре останется?

Староста Володя прикрыл глаза и нехотя пробормотал, не ответив на вопрос:

— Я-то бы тебя сроду не отпустил... кроме, как в охрану до Челябинь. Но москвичи — еретики-гяуры-блять — Ромку-джи не просят в провожатые. Любопытен он без меры... глуп. А ты им подходишь... да и с калашом ты управляешься лучше других...

— Э-э-э... ну... спасибо... А куда идти-то? Не в Челябинь что ли? А куда?

— На Комбинат им надо, — прошептал староста и вдруг остро глянул прямо в глаза Егора. — На Комбинат они хотят, понял?

— Так... это... там же атомы и радиация?!

Староста перестал прожигать Егора взглядом и снова закрыл глаза. После долгого молчания он сказал:

— Печень болит. Болит и болит... вот уже два года скоро. Сдохну, поди. Рано или поздно все мы перед Вседержителем предстанем — кроме демонов. Денно и ночью Господа-Аллаха молю о народе нашем, под сенью Веры-Истины пребывающем...

Издадека еле слышно донёсся многоголосый гул... Город смотрел файл новостей...

— Сдохну... ответ перед судьями праведными буду держать. За всех. За всех, понял?! За весь Город! И простит мне Господь-Аллах этот грех — простит! Ибо отправляю я тебя с этими лукавыми, сам не ведая — куда. И отправляю я тебя, надеясь, что Вера-Истина в тебе... и ты с нею. И что спасёт она тебя от путей ложных, от соблазнов неверных.

Староста Володя замолчал. Егор перевёл дух. Ни хрена себе... на Комбинат идти... Да ещё и с Саввой и Зией! Да ещё и с молитвенной помощью старосты! Ох...

Староста открыл глаза и буднично спросил:

— Грузовик они починят? Как ты считаешь? — И видя, что Егор опешил от того, что с ним советуются, как с равным, прикрикнул: — Чего рот открыл? Починят или нет?

Егор покраснел. Как-то само собой все они трое посчитали, что грузовичок-то московским починить — раз плюнуть. Учёные же!

— Поручаешь вам, просишь, как взрослых, а вы... — сказал староста. — Ну, да ладно. Иди давай. Невеста заждалась.

Егор прижал руки к сердцу, торопливо поклонился и пошёл в Храм. Спокойно пошёл. Специально не торопился. Староста Володя язва, конечно. «Невеста заждалась»!.. Скажет тоже. И обязательно по больному месту пнёт, честное слово! Конечно, Егор в мечтах своих Маринку

давно своей невестой считает. Но она же дитя совсем... ветер так в голове и гуляет.

Егор вдруг вспомнил, как Маринка его целовала и помотала головой. Ох, шайтан-Маринка. Колдовская порода, вся в Маму-Галю. Кто увидит — влюбится, кто — влюбится — навек не отстанет. Мулла-батюшка и то перед Мамой-Галей не устоял. А ведь солдат старый, закалённый. Когда он в Город пришёл, старухи сразу определили — не жилец! Живого места на человеке не было, весь в ранениях и язвах.

И как ему не влюбиться было, когда Мама-Галя на старух только посмотрела презрительно и солдата к себе забрала. Три месяца выхаживала. Она, да дед Егора. И вытащила-таки с того света, вытащила! Вот он — Иисус-Любовь что делает! Творит он чудеса пред лицом Господа-Аллаха, отца своего небесного...

В зале было темновато. Егор подождал, пока глаза привыкнут к темноте и на четвереньках пробрался через детвору к самым лучшим местам. Там, у ног стариков, восседающих на почётном первом ряду, собралась вся компания, включая Руслана — Маринкиного братика. Егор вежливо извинился перед стариками и, неожиданно для себя самого, решительно отодвинул Русланчика в сторону, сев рядом с Маринкой. Та весело

взглянула на него, а потом... а потом взяла его правую руку и закинула себе на плечи! Прижалась, как ягнёнок к Егоровой груди... только волосы нос ему щекочут...

Иисус-любовь! Моя, моя, моя! Любимая моя!

Мало того, что Егор весь, как в тумане, так она ещё вдруг подняла голову, прошептала на ухо: «Сиди смирно. Файл, говорят, очень интересный!» — и быстро-быстро поцеловала... едва коснулась... куда то в подбородок.

Егор смотрел на экран и ничего не видел. Хотелось орать от восторга, но надо было сидеть тихо, почти держа на руках любимую девчонку, и стараться унять бешено бьющееся сердце.

* * *

А фильм-файл Зия с Саввой привезли, оказывается, просто замечательный! Просто до слёз после жаль стало, что Егор только треть от него и помнит — Маринка же на руках, Маринка! Хоть, вроде, и смотрел на экран не отрываясь, а хоть пытай — не вспомнит связно того, что от счастья и любви пропустил.

Господь-аллах, ему скоро в путь-дорогу собираться, как и героям фильм-файла этого, за душу берущего! Поневоле всё по-другому

воспринимать будешь, чем, скажем час назад, до того, как со старостой разговаривал... как взрослый разговаривал, между прочим! И в дороге будет он думать о любви, совсем, как те батыры, что во все времена с врагами бились. Ибо где великие подвиги, там и любовь великая. А то, что подвиги будут, Егор ни на минуту не сомневался! Сейчас он готов был выйти в пустыню с голыми руками, хватать карачи и обрывать им ноги, добыть с Луны живого демона, переплыть океан и спуститься в адское пекло — всё ему теперь было по плечу!

Он попытался было шепнуть что-то бессвязное Маринке, но она только дёрнула плечом, увлечённая происходящим на экране.

Нет, а файл был замечательный — «Погружение», и тоже про старинные времена!

Егор вздохнул и попытался сосредоточиться на фильм-файле...

Отрывок из фильм-файла «ПОЛНОЕ ПОГРУЖЕНИЕ»

Средний Урал, Ивдель, Академия МВ, 2161 год.

Третьекурсник Василий Лахтин вытер лоб ладонью, машинально отмахнувшись от назойливого ментального щупа, причудливо

извивающегося с правой стороны головного обруча. Собственно говоря, и щуп и обруч существовали только в его воображении, но менее реальными они от этого не ощущались. Сердце болезненно толкалось в рёбра, подло тошнило.

Да-а...

Такого противника он не встречал уже давно! Ловко и споро Василия загнали в болевую зону... и чуть было не выпотрошили с ужасающей скоростью и жестоким равнодушным профессионализмом.

«А я-то... хорош гусь-дубина! Нарисовался... с тремя дезинтеграторами — ха! Тоже мне — герой-разрушитель! В два счёта и схлопотал по мордасам!» — самокритично прошептал Василий, придавая спинке кресла наклон в 45 градусов.

Его подразделение, тройка бойцов, было бессильно помочь своему командиру. В конце концов, у каждого в бою своя функция, а начинает атаку всегда командир. И не потому, что он имеет некое воинское звание, более высокое, чем у других, а потому, что только в этом качестве он и может быть применён в бою. Рождён для этого, если хотите...

От стыда перенесенного поражения его бросило в пот. Вот вам и надежда курса, девичий любимец, эмир группы, чемпион хренов! Василий вспомнил лицо смешливой красавицы Сяо Мэй... и

настроение его совсем испортилось. Правильно она при всех его уела... тогда, на последнем тренинг-погружении! Как эмир трёх звеньев, как командир группы, он должен признаться себе в этом: на том ментальном уровне, на котором он в гордыне своей настаивал, Василий Лахтин уязвим больше, чем он себе представлял. И то, что он смог всё-таки одолеть группу Сяо Мэй в учебном бою, не делает его уязвимость исчезнувшей сама собой. И он даёт себе слово Воина, что с первой же передышки в боях он будет отрабатывать и отрабатывать менто-файтинг — комплекс защитных мер, необходимых именно на данном уровне!

Василий понял, что окончательно пришёл в себя. Пора было перегруппироваться и снова вступить в контакт с мощным противником.

Клавиатура привычно сунулась под руки. Из зеленоватой глубины монитора всплыла и заколыхалась надпись:

«ВВОД ДАННЫХ ДЛЯ ПЕРЕЗАГРУЗКИ?»

В последнее время опять вернулась мода на старину. Интересно, почему? Вот уж, была охота Городить все эти стильные экраны и декоративные клавиатуры... чисто древние крестьяне

какие-нибудь!

— Да! — хрипло пробормотал Василий. — Ввод данных. Объект прежний. Фобии прежние. Загрузить дополнительную защиту по протоколам DDS, ХОPI, YMD с максимальным расширением до нижнего ментального порога.

Василию очень хотелось рискнуть... прорваться через затруднение одним прыжком. Ошеломить, смять противника, которому на текущий момент удаётся грубой силой проломить контрзащиту Василия, выстроенную по строчке, по страничке, по ментальному файлику...

«ВОЙТИ В СИСТЕМУ «ФРЕДДИ КРЮГЕР»?»

Придумали названьице, тоже мне, программеры... умники-засранцы!

Шуточки им...

Василий хорошо помнил, как его грудь пронзала медная полоса, наискосок пересекающая пугающую тьму. Неясно видимые ржавые вентили и трубы, выпускающие беспорядочные струйки пара, пахнувшего тухлятиной, меняли свои очертания...

... и бледная девушка в отсыревшей ночной рубашке, нанизанная, как и Василий, на бесконечную медную полосу...

Она судорожно перебирала по ней руками с

сорванными ногтями... и жадно продвигалась к нему... кровотока пустыми глазницами.

Нанизанная на безжалостный металл, девушка неотвратимо подтягивала себя к Василию... и каждый рывок неожиданно быстро сокращал расстояние между ними...

«СИСТЕМА ПЕРЕНАСТРОЕНА. ВОЙТИ?»

— Давай! — упрямо сказал Василий.

Сейчас он всё-таки пройдёт до точки вектора сопротивления, пробьёт проход! За ним ринется его тройка: Гори, Мьяга-Хо и Женька. Общими усилиями они доломают защиту, — одним мощным ударом всё-таки вскрыют хранимые ментальные файлы, столь необходимые для продолжения наступления!

Это наступление будет продолжено!

Это наше наступление не остановить!

И на острие всплеска всеобщего гнева будет он — Василий Лахтин, которому скоро исполнится заветные шестнадцать лет! И он — один из тех самых, — вы понимаете?! — тех самых шестидесяти курсантов, которых отобрали из сотен тысяч парней и девчонок по всей России!

Василий Лахтин!

Россия!

Мужчина и воин!

... три визжащие твари мгновенно вцепились ему в живот. Василий попытался оторвать их от себя, но они вгрызались в плоть, упруго скользя под пальцами. Василий закричал. Какая страшная, звериная боль!

Всё исчезло. Остались только он и боль.

Боль поглотила весь мир. Она была везде. Она была всем.

...и небеса померкли для него.

И всё вдруг закончилось. Он лежал в сыром подвале, задыхаясь на куче вонючего, как адская бездна, тряпья. Гори, как облитая защитным трансдермом, протянула ему флягу бодрящего. Лицо её горело.

— Как ты? — спросила она, оглядываясь и крепко сжимая дезинтегратор.

— Вхожу в норму, — сипло сказал Василий. — Сходу вляпался.

— Аккуратнее надо было входить, — сказала Гори. — А ты, как на вечеринку вывалился.

Кирпичи свода начали шевелиться. Сквозь щели между ними посыпались белые черви с чёрными головками. Егор тотчас закрыл лицо щитком шлема. Черви копошились на трансдерме, пытаясь прокусить его. В углу подвала ворочался

изъеденный язвами голый старик. Он повернул к ним голову и раскрыл беззубый рот. Из живота его свисали провода и внутренности.

— Уходим, — сказал Василий и вскочил на ноги. — Гори, иди следом!

Старик раскрыл рот ещё шире. Из рта вываливалась горячая жижа. Гори отвернулась.

Они проскользнули по пульсирующему проходу и провалились по пояс в шевелящуюся бурую жижу. Сверху с воплями падали ободранные до мяса люди. Гори сшибло с ног и Василий рванулся к ней, по плечо погрузил руку, нащупал что-то упругое и скользкое и... ухнул в яму.

Гори нигде не было. Яма была земляная, с торчащими из стенок корнями. Откуда-то сверху падал дождь. Василий попытался подпрыгнуть и ухватиться за корень, но упал обратно, ободрав себе живот. Он был абсолютно гол. Равнодушная Гори уже лежала под ногами. Горло её пересекала чёрная запёкшаяся рана. В глазницах торчали отрезанные большие пальцы.

Сяо Мэй бросила в яму первую лопату земли...

Потом Василий долго пробирался через узкий лаз в земле. Отвратительные скользкие мокрицы лопались под руками. Усилием воли он всё-таки подавил в себе дикий приступ клаустрофобии и

вновь оказался облечённым в трансдерм. Мьяга-Хо и Женька вытянули его на поверхность, где мрачные люди в кольчугах уже тыкали факелами в огромную кучу сухого хвороста. На вершине костра первокурсница Наташка, рыдая, билась в колючей проволоке, которой её привязали к столбу. У её ног сидела абсолютно поседевшая Гори и мерно раскачивалась из стороны в сторону. На лице и плечах её кровоточили многочисленные порезы.

Втроём они расстреляли палачей и Мьяга-Хо вытащил Гори на палубу океанского лайнера. Он наскоро сканировал ментальным эго-полем несчастную девушку. Гори не отзывалась. Они отправили её в сон и её тело медленно растворилось во влажном солёном воздухе. Значит, они остались втроём.

Но выросшая за бортом гигантская тёмно-зелёная волна расшвыряла их в разные стороны. Василий тонул, уже чувствуя, как вода врывается в его лёгкие, размочалив их в кровавые мокрые клочья... но его рванули за волосы и избитый в кровь Женька выволок его в боковой окоп. Артобстрел был в полном разгаре.

— Где Мьяга-Хо? — заорал Василий, отплёвываясь от сухой пыли, дерущей глотку.

— Отнесло в сторону, — крикнул Женька, набивая магазин от калаша. — Если сумеет — прорвётся, а пока тебя только я прикрываю, понял?

Тяжко нам сегодня придётся!

Близкий разрыв осыпал их комьями земли и заволок удушливой пылью. Кашляя, Василий потянулся к Женьке, но тот сидел, откинувшись к стенке окопа и только как-то странно дёргал руками и ногами. Василий засмеялся. Он смеялся и смеялся, кашляя до рвоты, и никак не мог остановиться. Ну, не смешно ли? Осколком Женьке аккуратно срезало голову, оставив только нижнюю челюсть, болтающийся запылённый язык и кровавый пузырь, вздымающийся из перебитой трахеи.

Надо остановиться, надо остановиться!

Он чувствовал, что Связной где-то рядом. Совсем рядом! Ещё немного, ещё совсем малую толику воли и терпения, и он сможет передать ему все те данные, которые ждут компьютеры Центрального фронта. Координаты, перехваченные коды «свой-чужой», тайнофайлы... всё это он помнит, помнит хорошо, да! И сейчас он передаст их Связному, который, улыбаясь, сидит за столом рядом с полковником Д., кивая головой.

У экрана школьного монитора так приятно спокойно сдавать экзамен, не торопясь нанося на матовую поверхность строчки цифр и символов. Вся группа аплодирует. Осталось только добавить последний штрих. Василий берёт в руки старенький потёртый менто-щуп и наводит его на экран. Итак,

координаты, коды «свой-чужой» и...

Стой! *Стой !!!*

Это ловушка! Это не Связной, это ловушка!

Оглушающий удар взрыва выбрасывает его через окно. Осколки стекла легко распарывают его тело. Он падает на огромную кучу металлической стружки и над ним склоняется мёртвое лицо Сяо Мэй. «Коды?!» — говорит она. Из рта её пахнет ужасной гнилью.

— Коды?! — невнятно повторяет она, и поднимает ржавый гвоздь. — Тайнофайлы?

Василий кричит. Он уже ничего не может сказать. Гвоздь медленно выскребает его глазницы. Господи! *Господи !!!*

Когда милосердная система отключилась, Василий ухнул во тьму, где пахло нашатырём и йодом.

* * *

«... после удешевления производства компьютеров уровня квантового программирования, а также глобального развития беспроводной связи, Сеть стала единым организмом. Захват и уничтожение групп и формаций скоплений компьютеров не приводил к потере данных, многократно дублирующихся самой

Сетью в процессе ввода.

Любая информация становилась «прозрачной». Пароли и системы защиты, рассчитанные на перебор триллионов комбинаций, взламывались менее чем за месяц.

Однако ещё до начала Святого Джихада человек научился подключаться к Сети с целью прямой передачи массивов данных, — т. наз. «воин-пароль» (устар.). Кроме того, подключение достаточно быстро начало преследовать и более сложные задачи. Воины входили в ментальные контакты с целью разведки боем и силового перехвата глубоко законспирированных ключевых, каркасных и иных тайнофайлов, хранимых в ментальных слоях специально обученных «связных» или «гонцов».

Начались безумные — во всех смыслах — ментальные войны, окончание которых пришлось на период...»

(Учебник для средних и старших классов «Развитие цивилизации от каменного века до наших дней»)

* * *

«... Ментальная война — это война

подсознательных страхов и фобий. Даже если у вас не так уж и развито абстрактное мышление и художественное воображение, то всё равно, при малейшей поблажке самому себе — вы обязательно потерпите крах! Помните, вы воюете в мире, где возможно всё. Физическая, политическая и ментальная подготовка воина — залог его грядущих побед в мирах кошмаров и ужасов, неотличимых от реальности! Каждая ваша победа, это победа над собой, но не для себя одного, а во благо мира, во благо России!..»

(из Устава Ментального Воина)

В морге было прохладно и неожиданно уютно по сравнению с влажной жарой хилых акациевых аллей Академии.

Прозектор стянул перчатки и небрежно бросил их в хлюпнувшую пасть старенького утилизатора.

— С каждым годом они всё моложе и моложе, — пробормотал он, закуривая модные нынче сигареты, стилизованные под старинные, табачные. — Помню, как года полтора назад меня дрожь брала, когда вскрывал первого шестнадцатилетнего пацана, умершего от обширного инфаркта. А теперь они косяком идут. И — ничего!

— А что вы хотели? — равнодушно ответила пожилая ассистентка, вглядываясь в работу автомата-бальзамировщика. — Воюют всегда молодые. С энтузиазмом. Во все времена, во всех странах. У них в группе только Сяо Мэй восемнадцатый год пошёл, а остальные — все моложе.

С потолка упала капля, разбившись о холодный живот Василия, на котором вертикальный разрез аккуратно зашивался суетливыми гибкими щупальцами.

— Чёрт, опять! Я отправил уже три служебные записки, чтобы наконец-то перекрыли течь на первом этаже! — раздражённо сказал прозектор, тыкая пальцем в клавиатуру: «Курсант Василий Лахтин. Причина смерти...». — Мало того, что мне третий день ремонтируют нормальный комп, так ещё и это!

Тёмно-вишнёвый ароматный пепел свалился с кончика сигареты и мягко рассыпался, попав между клавиш.

— Командирам теперь не до этого. Наступление! Сколько готовились-то! Ну, и пошло-поехало — считай, даже с третьего курса практически всех слизнули, а это всё-таки девятнадцать человек! — продолжила ассистентка.

— Они там как рассуждают? — не слушая,

пробормотал доктор, взглядываясь в мокрое пятно на потолке, — Покойникам, дескать, всё равно, и вы пока в своём подвале перебьётесь. Нет, ну куда это годится?! Компьютер — рухлядь, потолок протекает...

— «Перебьётесь»! — злился прозектор, впечатывая в пробелы стандартного бланка результаты вскрытия. — Я им там «перебьюсь»...

Автомат-бальзамировщик наложил последний шов и залепил его лентой телесного цвета. Мозг Василия уже плавал в консервант-жидкости, ожидая более подробного исследования. Прозектор очень надеялся за время наступления всё-таки успеть набрать свежую статистику по глубоким ментальным поражениям по протоколам УМД и выйти, наконец, на звание имам-доктора. Что-то подсказывало ему, что именно в этом направлении можно что-то довольно быстро нарыть, а иначе войну он закончит в том же звании и в той же должности.

Итак, вон, приходится вскрытия трупов делать, как простому прозектору. Врач запихнул окурок обратно в пачку, на восстановление, вздохнул и дал бальзамировщику команду одеть тело в парадный комбинезон для церемонии прощания.

Курсант элитной Академии, третьекурсник,

эмир трёх звеньев и командир подразделения глубокой разведки Василий Лахтин был полностью готов к почётной отставке.

Вечером свободные от боевого дежурства курсанты соберутся в Зале на траурную церемонию.

Тем временем Мьяга-Хо, Женька и Гори, проходили ускоренную реабилитацию. Их тройку хотели расформировать, но полковник Д. решил назначить им нового командира, четверокурсника Селима, который хорошо зарекомендовал себя в наступлении.

* * *

Ну, вот. Пока домой шли из Храма, переругались вдрызг. Надо же такому случиться, а?

Самое смешное, что всем файл понравился. Егор благоразумно умолчал, что помнил от него лишь отрывки. А как начали обсуждать, так и передрались, как вам это понравится? Начал Ромка-джи, шайтан неугомонный:

— А с кем это тогда воевали?

— С демонами, конечно! — возбуждённо воскликнул Егор, всё ещё переживающий за Мьягу-Хо, представляя себе, как вздымает он ментальный ятаган и — вжик-вжик! — рубит в капусту ментальных вражеских чудищ.

— Думаешь, с ними? — многозначительно сказал Ромка-джи.

— А точно, Егорка, может и не с ними! — внезапно подхватила Маринка.

Ну, и началось.

И перессорились. Тьфу!

Вот уж не было печали ссориться из-за фильм-файла, да? В конце концов, это так давно было, что уже и спорить неинтересно.

Это всё равно, что сцепиться по поводу того, один ли Гагарин-шайтан в космос летал или всё-таки вместе со святой Валентиной — первой женщиной в космосе? С той поры и Валентинов день, говорят, именно поэтому и празднуют, — «валентинки» рисуют, стихи и песни пишут, по ларингам их передают. Известное дело — напишешь любимой песенку, запишешь, да передашь ей в Валентинов день — то если понравилось ей — навек она твоя будет!

Суеверие, конечно, но очень уж красивое!

«На будущий год Маринке «валентинку» с дутаром пошлю. И с Моцартом. Качну у Зии и Саввы из ихнего компа. Специально качну! Ей понравится, у неё всегда был музыкальный слух... не то что у шайтан-балбеса Ромки-джи, которому песчаник в уши нагадил!» — думал Егор,

чистивший калаш. Неловко получилось. Карим его обругал за то, что Егор ему перед Каримовым дозором, калаш нечищеным оставил. Вот тебе и приехали! Поменялись местами, как говорится. Всю жизнь Егор на Карима ворчал по этому поводу, а тут...

Но теперь — надо чистить, чего уж там. Виноват, так виноват.

* * *

Последний Совет каким-то странным был. Во-первых, пригласили Егора. Ромка-джи чуть совсем от зависти не помер. Во-вторых, Зия и Савва, улыбаясь, попросили стариков, чтобы несчастного, вдрызг обзавидовавшегося, всё-таки впустили, а то, мол, всё равно он около Кима болтаться будет, пока совсем не сведёт старика с последнего ума. Если, конечно, с Ромки-джи страшную клятву возьмут, что сидеть он будет тихо и голос подаст только в том случае, когда к нему непосредственно обратятся.

Ромка-джи чуть сам с ума не сошёл, когда Егор его позвал. Думал, друг его закадычный шутит так жестоко. В зал вошёл, как пьяный, глаза квадратные, красный и взъерошенный. В ответ на строгую речь старосты он так горячо и быстро кивал головой, прижимая руки к сердцу, что Егор

подумал — отвалится голова, вот-вот отвалится! Не отвалилась, однако.

А в-третьих, пришёл и мулла-батюшка вместе с Мамой-Галей. Ох, и серьёзные же дела обсуждать будут!

Но поначалу староста, как водится, все дела, прошедшие за последнее время, перебрал. К каждому делу комментарий сделал, да мораль вывел. Егор это вполуха слушал. Он смотрел на Маму-Галю и думал о том, какой когда-нибудь станет Маринка. Красивая будет — это уж точно. От неё и сейчас-то глаз не оторвать, особенно, когда смеётся. Независимая. Гибкая и грозная, как пустынная дева-сирена. Воительница, как мама её!

Как-то дядя Ахмат, когда ещё жив был, посмеяться решил с пьяных глаз. Стрелять из калаша, говорит, каждый может научиться. А что ты, Мама-Галя, гурия песчаная, делать будешь, ежели тебя в пустыне настоящий батыр подкараулит и с недвусмысленными предложениями подкатится? Это он осмелел, ясное дело, потому что муллы-батюшки тогда ещё не было! Ну, и пьяненький, естественно. Мужик он был весёлый, все женщины на него поглядывали, а он только песни пел, да от одной вдовушки к другой кочевал.

Ну, Мама-Галя, естественно, холодно

улыбнулась и сказала, что в этой пустыне настоящих батыров раз-два и обчёлся. Ну, Егор подрастёт... тогда уже три батыра будет! Но дядя Ахмат в их число, — увы! — не входит никаким боком. Ахмат, конечно, смеяться начал. Ну, и дошло у них до настоящего поединка. Ребяшня крик подняла, сбежались все. Старухи только губы поджимают, дядя Аня, стараясь не засмеяться, два равных сучка ген-саксаула отламывает — мол, это ваши ножи, ниндзя дорогие. Словом, кутерьма!

Мама-Галя даже повязку одевать не стала. Просто сплела наскоро волосы в свободную косу и ремешком перехватила, чтобы не расплеталась. В дозоре она обычно армейскую косынку носит, а тут отмахнулась. Не надо, мол, мне ничего. Тут, говорит, и дел-то на минуточку. Ну, народ, конечно, развеселился. Дядя Аня даже на камеру хотел снимать, да за калашом бежать было некогда. Лада-оглы приплыла, отдуваясь. Со старухами села и молчит. Те к ней с возмущением: тыр-тыр-тыр! Мол, Мама-Галя совсем уж от рук отбилась. Виданное ли дело — с мужиком бороться?! Пусть, раз уж ей неймётся, *ночью* борется... как все приличные женщины — ха-ха-ха! — прости нас, грешных, Господь-Аллах!

Но Лада-оглы только презрительно бровью повела. Она Маму-Галю всегда уважает. Говорит, что в молодости сама тоже сорванцом была, а как